Надежды

[illegible]

Революционизма

России

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Ц А 60
Н 165

2-э

485

ДАНІЕ РЕВ. СОЦ. ГРУППЫ „СВОБОДА“

072. Надеждин, Л.
Г. Кукин

Возрожденіе

Революціонизма

въ

РОССІИ.

ЦА60
Н165

Если царство въ оковахъ уснетъ,
И услышитъ свободы набатъ, —
Пусть меня тиранія клянетъ:
То мои ополченцы звонитъ.
. . . . . .
Не подамся я шага назадъ,
Закалилъ меня бой вѣковой!...
Умирать за свободу я радъ, —
Пролетарій, трибунъ и герой!...

(*Борецъ за свободу*, М. Д. Позднякова)

1901

К.

ЦАБО
Н165

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Революціонно-соціалистическій журналъ „Свобода“ для рабочихъ.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

1) I-вый выпускъ „Соц.-Рев. Библіотеки для интеллигенціи“;

2) Революціонно-соціалистическій сборникъ „Лучина“ для крестьянъ.

1100
29
4-47036 4

Не имѣя пока своего представителя за границей, группа «Свобода», проситъ адрессовать всѣ письма изъ за границы: M. Bochanovsky, 6, chemin des Grands-Philosophes, Genève (Suisse), обозначая на другомъ (внутреннемъ) конвертѣ: „для группы Свобода“.

2010 г.
38

Ц460
М165

ОТЪ РЕВОЛЮЦІОННО-СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ „СВОБОДА“.

Товарищи!

Когда возникаетъ какая нибудь новая партія или группа, ея raison d'être — что-нибудь изъ двухъ (не говоря, конечно, о возможной комбинаціи и того, и другого):

1) или исповѣдыванье ею такихъ основныхъ принциповъ, которые кореннымъ образомъ отличаются отъ руководящихъ идей въ уже существующихъ партіяхъ и группахъ;

2) или пользованье такими средствами борьбы, какія не практикуются имѣющимися на лицо организаціями.

Логически оно должно быть такъ, но реальная жизнь россійская, лишенная всякой логики, ставитъ вопросы иначе. У насъ могутъ образовываться одновременно, благодаря специфическимъ условіямъ нашего существованія, „Россійская“ и „Русская“ С. Д. партіи. У насъ можетъ появиться на свѣтъ „Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ“, не вносящая въ свою программу ни новыхъ принциповъ, ни новыхъ средствъ. У насъ при-

знаніе научныхъ пріобрѣтеній въ области экономики послѣдняго времени только одно это признаніе!— служитъ къ зачисленію признающихъ въ соціальдемократы, хотя бы они и расходились съ послѣдними по очень многимъ вопросамъ теоріи, а, главное, тактики; и, наоборотъ, признаніе нѣкоторыхъ средствъ, не практикующихся соц.-демократами, при общемъ соц.-демократическомъ міровоззрѣніи, служитъ почти что неизбѣжнымъ поводомъ къ зачисленію такихъ людей въ ряды народовольцевъ. Все богатство нашей номенклатуры исчерпывается тремя терминами: „соціалъ-демократъ", „соціалистъ-революціонеръ," „народоволецъ." Между тѣмъ, жизнь настолько двинулась впередъ и усложнилась, что каждый изъ этихъ терминовъ потерялъ всю свою выразительность, онъ даетъ лишь въ лучшемъ случаѣ самое слабое представленье о дѣятелѣ, а обыкновенно и никакого не даетъ.

Мы живемъ въ переходное время половинчатости міровоззрѣній и это страшно вредно отзывается на революціонной работѣ: то обломки изжившей теоріи лежатъ на пути къ признанію живыхъ, насущныхъ средствъ, то тактическіе пріемы, уже успѣвшіе умереть, но во время не похороненные, мѣшаютъ развитію правильныхъ теоретическихъ положеній и вытекающихъ изъ нихъ раціональныхъ средствъ борьбы.

Группа „Свобода" по мѣрѣ своихъ силъ и возможности, будетъ дѣлать разнаго рода попытки очистить растущее и цвѣтущее дерево отъ тѣхъ засохшихъ вѣтвей и сучковъ, которые препятствуютъ правильному функціонированію здоровыхъ силъ этого дерева. Она ставитъ своей задачей синтезированіе — не путемъ мертвой эклектики, а именно путемъ живого синтеза — глубоко-

вѣрныя идеи, завоеванныя нами лишь въ послѣднее время, съ тѣми средствами, которыя отчасти завѣщаны прошлымъ, а отчасти звучатъ изъ нѣдръ текущей дѣйствительности, но не воспринимаются многими, благодаря тому сумбуру, который царитъ и въ области теорій, и въ области тактическихъ пріемовъ.

Велика ли наша группа? По численности лицъ, составляющихъ ее теперь, — нѣтъ, не велика, но она сильна численностью лицъ, не входящихъ въ составъ ея, но исповѣдующихъ аналогичное міровоззрѣніе. Программа группы, смѣемъ думать, есть болѣе вѣрное выраженіе нуждъ современности, чѣмъ программы другихъ партій и группъ, и въ то же время объединеніе и обобщеніе всего того, что намѣтилось уже въ качествѣ здоровыхъ, жизненныхъ теченій въ другихъ программахъ и просто практическихъ дѣйствіяхъ, но находитъ себѣ мѣсто или подъ видомъ съ нѣкоторымъ конфузомъ допустимыхъ „ересей“ или же — какъ нѣчто желательное, но не необходимое. Мы стараемся мысль, остановившуюся по срединѣ, довести до конца; мысль, уже продуманную совершенно, облечь въ форму слова, которымъ не успѣла еще разрѣшиться она; и изъ слова мы стремимся сдѣлать выводъ къ дѣлу, которое логически и жизненно вытекаетъ изъ этого слова. И если нами вѣрно понимается современная дѣйствительность — а мы въ этомъ не сомнѣваемся — то наша группа въ скоромъ времени значительно разростется. Разростется она, и вобравъ въ себя элементы съ такими же основными взглядами, какъ у группы „Свобода“, разростется и путемъ соединеній съ тѣми организаціями, съ которыми у нея найдется много общихъ точекъ соприкосновенія.

Предлагая вниманію товарищей эту программную брошюру, мы просимъ ихъ не истолковывать нашихъ общихъ набросковъ недавняго прошлаго русской революціонной дѣятельности въ смыслѣ полемическихъ пріемовъ. Меньше всего мы задавались такою цѣлью. Прошло время полемизировать о комъ бы то ни было. Надо дѣйствовать съ кѣмъ бы то ни было, ни на одну минуту не выпуская изъ видовъ идеаловъ соціализма и борьбу за политическую свободу, какъ первый шагъ къ соціалистическому строю. Наши друзья, то болѣе близкіе, то болѣе дальніе — всѣ, кто борется за соціализмъ и свободу; наши враги—капиталисты съ ихъ приспѣшниками, царское правительство со всѣми своими служками, а изъ лагеря „своихъ" — тѣ, кто за мелкой злобой дня, забываетъ великія цѣли соціализма и ближайшія, минимальныя средства, способствующія воплощенію этихъ цѣлей въ жизнь — борьбу за политическую свободу.

PS. Наша группа не имѣетъ ничего общаго съ той организаціей, которая выпустила брошюру „О свободѣ".

ВОЗРОЖДЕНІЕ

РЕВОЛЮЦІОНИЗМА

ВЪ РОССІИ

Даже и не особенно внимательный наблюдатель русской революціонной жизни въ состояніи замѣтить, какія громадныя перемѣны произошли въ ней за самое послѣднее время.

Рабочее движеніе, возникнувъ сначала въ очень скромныхъ размѣрахъ и какъ чисто стихійный отпоръ давимыхъ давящимъ, теперь уже успѣло далеко перешагнуть за свои первоначальныя рамки. Выросло и количественно, выросло и качественно, подмѣнивъ въ сильной мѣрѣ неясныя броженія сознательностью и планомѣрностью въ дѣйствіяхъ. Стачкамъ и всевозможнымъ волненіямъ, раньше сравнительно рѣдко колыхавшимъ рабочее море, въ настоящее время уже потерянъ и счетъ. Кажется, нынѣ нѣтъ такого уголка на Руси, гдѣ рабочій не поднимался бы на защиту своихъ человѣческихъ правъ. Искры отъ одной какой нибудь стачки, отъ одного мало-мальски крупнаго событія въ рабочей средѣ разлетаются по самымъ противоположнымъ концамъ Россіи то вмѣстѣ съ разбредающимися и высылаемыми рабочими, то съ сообщеніями нелегальной и даже легальной прессы. Разлетаются и будятъ рабочихъ къ самосознанію въ какихъ угодно берлогахъ россійскаго царства. Всюду для этого есть почва, ибо всюду притѣсняютъ человѣка и вывертываютъ его на изнанку; всюду, значитъ, рабочему приходится бороться и протестовать. (Мы говоримъ въ послѣдующемъ не только о фабрично-заводскомъ пролетаріатѣ, но и о ремесленникахъ, среди которыхъ успѣло уже возникнуть революціонное движеніе и рядъ профессіонально-боевыхъ организацій.)

Сначала борьба рабочихъ съ капиталистами но-

сила какой-то партизанскій характеръ; она была рядомъ нервныхъ вспышекъ, очень мало объединенныхъ и слитыхъ другъ съ другомъ. Организаціи рабочихъ были случайны: онѣ кое какъ склепывались лишь для даннаго момента, чтобы завтра-же разсыпаться вдребезги. Теперь не то. Теперь организаціи стали планомѣрными, обхватывающими большое число рабочихъ различныхъ профессій и порою различныхъ районовъ и связывающими ихъ такой могучей скрѣпой, какъ сознаніе своихъ классовыхъ и общечеловѣческихъ интересовъ. Возникаютъ онѣ въ рабочей средѣ уже не затѣмъ, чтобы поставить какое нибудь практическое требованіе, довлѣющее злобѣ дня, и затѣмъ исчезнуть съ лица земли; нѣтъ, теперь онѣ растутъ и крѣпнутъ, какъ боевыя дружины, которымъ предстоитъ осуществить много задачъ, непосредственно слѣдующихъ одна за другой и находящихся въ причинной зависимости другъ отъ друга. Стачки объявляютъ рабочіе нынѣ уже не въ тѣ крайніе моменты, когда приходится „ложиться и помирать", а и вообще во всякое благопріятное время, когда только хоть чѣмъ нибудь можно улучшить свое матеріальное положеніе, на какой-бы — относительной — высотѣ ни стояло послѣднее, то есть — иначе говоря — прежняя стачка, какъ рѣшительнѣйшая, отчаянная мѣра смѣнилась стачкой по принципу.

Еще въ началѣ 90 годовъ, не впадая въ особенно грубую ошибку, можно было раздѣлить рабочихъ на двѣ части: интеллигенція — незначительный процентъ — и сѣрая масса то болѣе, то менѣе тусклыхъ оттѣнковъ — это громадное, подавляющее большинство. Теперь ни въ какомъ случаѣ такое дѣленіе не допустимо. Мы имѣемъ предъ собой рабочую интеллигенцію въ значительно большихъ размѣрахъ, чѣмъ прежде; не менѣе трехъ четвертей ея, — насколько мы можемъ себѣ позволить обобщеніе изъ нашихъ наблюденій, — являются въ полномъ смыслѣ этого слова революціонерами-соціалистами, а одна четверть

— это развитые люди, относящіеся ко всему сознательно, интересующіеся міровой жизнью, не позволяющіе наступать себѣ на ногу, но активнаго, постояннаго участія въ борьбѣ не принимающіе. Почему воспиталась этого рода интеллигенція — причины этого главнымъ образомъ нужно искать въ томъ способѣ, какимъ велась дѣятельность среди рабочихъ — въ узкомъ экономизмѣ, въ политической пропагандѣ вмѣсто такой-же агитаціи — о чемъ мы будемъ говорить подробно дальше — а это, не давая простора силамъ, не стимулируя ихъ въ высокой степени, должно было однихъ рабочихъ интеллигентовъ воспитывать не борцами, а просто интересующимися всѣмъ людьми, а другихъ... приводить къ самоубійству, ибо они не въ состояніи были пережить страшныхъ мукъ отъ несоотвѣтствія идеаловъ съ дѣйствительностью. Тѣ три четверти, о которыхъ говоримъ мы, представляютъ намъ (конечно, нѣтъ правила безъ исключеній) замѣчательный образецъ духовной красоты человѣческой. Именно, красоты. Удивительная цѣлостность натуры, полная гармонія между мотивами и дѣйствіями, отсутствіе всякаго нытья, а вмѣсто него бодрость, вѣра въ свои силы и силы трудящагося человѣчества, неуклонная послѣдовательность въ проведеніи въ жизнь горячолюбимыхъ идей, проникновеніе идеалами соціализма всѣмъ своимъ существомъ, глубокій интересъ ко всѣмъ жизненнымъ явленіямъ и интересъ не только теоретическій, а дѣйственный, динамическій. — Затѣмъ мы имѣемъ въ рабочей средѣ значительную часть такихъ элементовъ, которыхъ можно, пожалуй, назвать — за неимѣніемъ подходящаго термина — полуинтеллигентами. Это люди, которые уже значительно переросли окружающую ихъ дѣйствительность, переросли не столько своимъ пониманьемъ, сколько чувствованіями. Это, такъ сказать, интуитивные интеллигенты. Они интересуются положительно всѣмъ, что творится и здѣсь, возлѣ нихъ, и въ общеміровой жизни. Они ко всему чутко прислушиваются и зорко приглядываются, они

всѣми силами стараются схватить на лету разные жизненные факты, хотя бы даже обрывки этихъ фактовъ. Не находя объясненій для нихъ, сплошь и рядомъ подыскивая самыя фантастическія и невѣрныя причины, они тѣмъ не менѣе почти никогда не ошибаются въ оцѣнкѣ характера этихъ фактовъ. Именно какая-то особая интуиція! Намъ никогда не приходилось наблюдать ничего подобнаго въ другихъ слояхъ общества. Въ этой полуинтеллигентной средѣ вы постоянно услышите: „я соціалистъ", „я соціалъ-демократъ", „я революціонеръ" и это произносится если не съ яснымъ пониманіемъ полноцѣннаго содержанія этихъ словъ, то за то съ величайшей гордостью и прямо съ благоговѣніемъ. „Я уже давно посвященъ въ это дѣло!" — говоритъ вамъ рабочій этого рода и въ тонѣ его голоса, въ блескѣ глазъ, во всей осанкѣ фигуры, во всѣхъ его движеніяхъ сказывается чистая дѣтская душа и въ то же время твердое убѣжденіе и непреклонная энергія борца,—и это, дѣйствительно, чистыя, нескладныя души, въ которыхъ нѣтъ, и слѣда затхлой мелкобуржуазности торгашей, и это дѣйствительно борцы! И борцы, уже понимающіе силу организаціи и постоянно ищущіе подъ брошюрками, листками, прокламаціями, газетами подписи издавшей ихъ группы или партіи. Одно уже имя организаціи вселяетъ въ нихъ довѣріе къ прочитанному и побуждаетъ на активныя дѣйствія. А активныя дѣйствія — это для нихъ насущная необходимость, такая-же, какъ и разныя примитивныя потребности. Во время демонстрацій они всегда составляютъ главную массу участниковъ. Такъ было, бываетъ (и будетъ, конечно) и при проводахъ арестованныхъ товарищей, и при похоронахъ сгибшихъ подъ ударами правительственнаго произгола, и при празднованіи 1го Мая, и во время студенческихъ волненій, такъ горячо и энергично поддержанныхъ рабочими. Можетъ быть, нигдѣ такъ ясно, какъ при этихъ студенческихъ волненіяхъ, не сказалась отчасти инстинктивная, отчасти выработанная сознаніемъ

потребность полуинтеллигентовъ-рабочихъ откликаться на всякіе протесты притѣсняемыхъ, на всякіе симптомы борьбы съ различнаго рода произволомъ. Въ этихъ протестахъ рабочіе стремятся найти родственныя черты своей собственной жаждѣ скинуть съ себя давящее ихъ ярмо. — Наконецъ, мы имѣемъ предъ собой рабочую массу, численность которой превосходитъ рабочихъ полуинтеллигентовъ. Она выросла и все дальше растетъ экономически, то есть, мы хотимъ сказать, по сравненію съ прошлымъ значительно подвинулось впередъ пониманіе ею своего экономическаго положенія, необходимость постоянно вести борьбу за улучшеніе собственнаго экономическаго быта, но что касается роста политическаго самосознанія этой массы — пока онъ еще, какъ кажется намъ, слабъ и понятія массы о „ политикѣ " стоятъ на очень невысокомъ уровнѣ. Мы не сомнѣваемся, что застоя тутъ быть не можетъ но мы констатируемъ только то, что есть теперь. А теперъ есть лишь страшно-жгучій, все обостряющійся интересъ къ вопросамъ экономическаго быта и не только своего собственнаго — на данной фабрикѣ или въ данной округѣ, — но и вообще въ цѣлой Россіи, въ цѣломъ мірѣ. Фактъ тотъ, что рабочій, какъ бы онъ ни былъ некультуренъ, уже не представляетъ изъ себя ягненка, готоваго идти на убой по первому приказу власть имѣющихъ на фабрикахъ или въ другихъ какихъ мѣстахъ, онъ — по меньшей мѣрѣ — профессіональный борецъ.

Эта общая картина настроеній въ рабочей средѣ, очерченная бѣглыми штрихами, говоритъ о томъ что, отчасти самъ рабочій слишкомъ уже выросъ для того, чтобы довольствоваться только одной борьбой съ сосущими его живоглотами, а отчасти — что образовалась уже богатая почва среди массовыхъ рабочихъ для перехода отъ борьбы за мелочныя улучшенія въ домашнемъ быту къ борьбѣ подъ знаменемъ широкихъ политическихъ требованій, за демократическій status quo государства.

Само собою разумѣется, рабочій будетъ бороться, да и долженъ бороться, за каждый лишній пятакъ къ своей заработной платѣ, за всякіе полчаса отдыха; будетъ бороться и завтра, и послѣзавтра по примѣру вчерашняго и сегодняшняго дня. Это у него происходило и будетъ происходить съ такой-же естественностью, какъ перемѣна грязнаго бѣлья на чистое, какъ субботняя баня. Это — просто его физіологическая потребность, но ею и не можетъ, и не должна исчерпываться сумма стремленій рабочаго. Съ одной стороны его русское правительство знакомило со всѣми свойствами казацкой плети и солдатскаго ружья; освѣдомляло на счетъ прелестей житья въ тюрьмахъ и мѣстахъ столь и не столь отдаленныхъ; на каждомъ шагу давало ему понять, какіе серьезные ущербы оно можетъ наносить возникающимъ организаціямъ своими шпіонскими, жандармскими и полицейскими силами; съ другой стороны, книги, голоса пропагандистовъ и агитаторовъ и просто сама капиталистическая жизнь, значительно раздвигающая горизонты мужика-сѣряка — и мимовольно, и сознательно, т.е. въ силу потребностей крупной промышленности — вводили его въ кругъ пониманія правъ на человѣческое существованіе. Свистъ плетей и лязгъ оружія, какъ и мощное слово призыва къ сознанію своего положенія, заставили рабочихъ, въ лицѣ наиболѣе осмысленныхъ элементовъ, притти къ убѣжденію, что необходима серьезная борьба съ правительствомъ, этимъ врагомъ рабочаго дѣла, чтобы отстоять себѣ право на безпрепятственную экономическую борьбу — во 1-хъ, и на участіе рабочаго въ политической жизни страны во 2-хъ, ибо онъ не пѣшка, которой можно распоряжаться, какъ угодно, а человѣкъ, долженствующій — на ряду съ другими способами борьбы — посредствомъ государственнаго механизма проводить въ жизнь свои трудовые идеалы. Этотъ политическій строй съ его рабствомъ и кнутомъ вмѣсто свободы и депутатскихъ голосованій, съ его игрой въ молчанки тамъ, гдѣ требует-

ся живое и гнѣвное человѣческое слово, — онъ долженъ быть измѣненъ въ корнѣ!

А для этого борьба рабочихъ должна развернуться на два фланга: не уступая ни одной пяди капиталистамъ, выступая противъ нихъ при каждомъ удобномъ случаѣ, — въ тоже время рабочіе не должны давать пощады правительству, пуская въ ходъ всевозможныя средства. Борьба этого послѣдняго рода меньше всего можетъ быть случайной; она должна вестись систематически, планомѣрно и глубоко осмысливать поставленныя себѣ цѣли.

Все говоритъ за своевременность этой борьбы. Пусть не всѣ рабочіе, не подавляющее ихъ большинство сознало необходимость политической борьбы и необходимость свободнаго политическаго строя; пусть глубоко осмыслили это только отдѣльныя группы наиболѣе сознательныхъ рабочихъ; пусть въ массахъ существуетъ только общее недовольство, накопившееся отъ злокачественности русской жизни, но не вылившееся еще въ тѣ или иныя формы критическаго отношенія къ окружающему, въ тотъ или иной лозунгъ борьбы съ рѣзко и ясно намѣченнымъ врагомъ. Но глухое недовольство, покуда почти лишь безцѣльно рокочущее, не можетъ застыть въ этой формѣ. Въ силу естественной необходимости оно должно выкристаллизоваться въ болѣе опредѣленныя формы, должно дать себѣ отчетъ въ причинахъ существующаго зла и въ средствахъ его искорененія. Разъ существуютъ полуинтеллигенты-рабочіе, близко принимающіе къ сердцу политическіе вопросы и существуютъ кружки рабочихъ, проникнутыхъ политической идеей, и разъ агитаторы въ рабочей массѣ всѣ свои силы приложатъ къ тому, чтобы эти кружки не замыкались въ самихъ себѣ, не дѣлались сектами, а работали въ массахъ, — если это такъ, то близокъ тотъ день, когда масы сознаютъ свои политическіе интересы, и энергично встанутъ на защиту ихъ. Вѣдь, не надо забывать, что и борьба за самые примитивные матеріальные интересы, въ первое время находила въ рабочихъ мас-

сахъ не очень-то большой откликъ, а порой даже бывало враждебное отношеніе къ иниціаторамъ борьбы. А теперь и самые забитые и задавленные рабочіе, охая и крестясь, уже объявляютъ войну своимъ нанимателямъ.

Тоже самое и здѣсь. Проникновеніе отдѣльныхъ сильныхъ личностей въ рабочей средѣ и отдѣльныхъ кружковъ политической идеей есть солидная гарантія, въ своевременности политической борьбы. Если пропаганда экономической борьбы нашла для себя благопріятную почву въ экономическихъ интересахъ массового рабочаго, то въ тѣхъ же интересахъ найдетъ себѣ основаніе и политическая борьба, ибо гнетъ правительства, отдающаго себя на прокатъ капиталистамъ,—тотъ же самый экономическій гнетъ, лишь обрядившійся въ другую оболочку. И рабочіе, хоть смутно, начинаютъ понимать это. Даже и теперь, когда идея политической борьбы находится въ зачаточномъ состояніи, рабочія массы собираются, или во всякомъ случаѣ имѣютъ большую наклонность собираться—публично праздновать 1-ое мая (а это одно изъ формъ политической борьбы съ правительствомъ). При празднованіяхъ 1-го мая и вообще при всѣхъ манифестаціяхъ рабочихъ, все учащающихся и растущихъ по числу участниковъ, теперь уже чуть ли не повсюду начинаютъ выставляться политическія требованія.

Правительство подольетъ масла въ огонь и значительно посодѣйствуетъ росту политической борьбы. Дѣйствія царской власти — самая твердая гарантія того, что призывы къ политической борьбѣ не будутъ гремѣть въ пустой аудиторіи. Первое время на верху относились къ рабочему движенію, если не спустя рукава, то и не во всеоружіи того арсенала шишекъ, которыми правительство привыкло осыпать мятежныя головы. Оно не представляло себѣ достаточно рельефно всѣхъ результатовъ броженія въ массахъ. Броженіе это рисовалось ему какъ рядъ недовольствъ различными нестроеніями у домашняго очага рабочихъ, недовольствъ старательно раздуваемыхъ разнаго рода пропащими людьми. Утихо-

мирить это движеніе очень легко. Надо лишь выслать или удалить коноводовъ, хорошенько пригрозить ежевыми рукавицами массамъ, швырнуть рабочимъ кое-какіе фабричные законы, благо нѣкоторые изъ нихъ считаются нужными и полезными и самими представителями крупной промышленности; при этомъ швырнувши правой рукой кое-какія статьи. завтра же можно пообщипать ихъ лѣвой и все ввести въ норму. И пойдутъ всѣ дѣла прекрасно.

Такъ помышляли всѣ отъ царей съ министрами до Зубатовыхъ съ Треповыми. Но шагъ за шагомъ движеніе росло. Нота широкихъ политическихъ требованій, или по крайней мѣрѣ тяготѣній къ нимъ, настолько громко стала звучать въ немъ, что она донеслась и до обыкновенно тугого слуха правительства и оно — уже даже не вѣря въ то, что говоритъ, — не то себя, не то окружающихъ начинаетъ успокаивать словесами о томъ, что въ рабочемъ движеніи нѣтъ ровно ничего политическаго (какъ недавно зачѣмъ-то очень усиленно подчеркивала это екатеринославская прокуратура въ брянскомъ процессѣ). Эти успокоенія — старая давно извѣстная метода правительства. Такъ въ 70 хъ годахъ передъ началомъ террора и въ эпоху его оно все трактовало о жалкой кучкѣ злоумышленниковъ, будучи увѣрено, что имя этимъ злоумышленникамъ — легіонъ. Такъ и теперь оно считаетъ зачѣмъ-то нужнымъ пускаться въ разсужденія о мелководіи рабочаго движенія. Отсюда — по обычаю русскаго правительства — одинъ шагъ до крутыхъ, ни передъ чѣмъ не останавливающихся мѣръ. Теперь оно вводитъ разрядъ людей „ порочнаго поведенія “, куда оно заноситъ непокорные ему элементы рабочихъ, смѣшивая ихъ съ грязью и обрекая на болѣе чѣмъ голодное существованіе въ ссылкѣ; скоро оно прекратитъ судебныя разбирательства стачекъ (намековъ на это и теперь имѣется сколько угодно; въ большинствѣ случаевъ дѣло не доходитъ до суда, а просто административнымъ порядкомъ расшвыриваютъ рабочихъ по разнымъ еле жилымъ мѣстамъ). Потомъ вмѣсто бичей введетъ

скорпіоны, вмѣсто простыхъ устрашеній — смерчи вселенскіе. Пообъявитъ всюду военныя положенія съ произволомъ, изумительнымъ даже и для русскихъ порядковъ. Повыситъ всѣ степени наказанія. Начнетъ буквально гнонть людей по тюрьмамъ за всякое подстрекательство рабочихъ массъ къ политическимъ волненіямъ. Будетъ карать смертной казнью (на этотъ путь оно уже вступило въ Польшѣ). Словомъ разгуляется его рука и раззудится его плечо во всю! Пусть такъ! Это не только не остановитъ рабочаго движенія, но придастъ ему еще небывалую силу и бодрость. Если теперь для многихъ рабочихъ правительство не представляется въ самомъ настоящемъ своемъ свѣтѣ, тогда уже у нихъ не будетъ сомнѣнія на счетъ доподлинной его природы.

Полицейско-жандармская вакханалія не за горами. Предвѣстники ея — и поразеитльно огромные аресты послѣднихъ лѣтъ, и то слишкомъ уже безцеремонное нахальство, съ которымъ правительство держится по отношенію къ финляндскимъ дѣламъ, студенческимъ волненіямъ, культурнымъ начинаніямъ нашихъ либераловъ — нахальство, хорошо свидѣтельствующее, что такой точки, гдѣ остановилось-бы правительство нѣтъ; что оно, считая свой тронъ крѣпче гранита, готово топтать ногами протесты цѣлой страны (Финляндія), и готово, само не зная зачѣмъ, замуровывать тѣ щелочки, напр. Вольно-Экономическое общество, въ которыя поглядываетъ „ однимъ очкомъ “ либералъ на свѣтъ божій. Все жать, все крушить и гнуть въ бараній рогъ, чего бы это ни стоило, и чѣмъ бы ни грозило! При такой своей тактикѣ, русское правительство неминуемо должно ополчиться всѣми своими силами и самыми возмутительными средствами противъ рабочаго движенія, прокладывающаго себѣ политическую дорогу. Пусть куетъ мечъ на свою голову! Условія нашего россійскаго существованія таковы, что передъ ними совершенно теряетъ свою силу аргументъ о недостаточной сплоченности рабочихъ, недостаточной численности трудовой арміи

для того, чтобы ей выступить сейчасъ-же въ политической борьбѣ. Говорятъ, со словъ нѣкоего не въ мѣру расхрабрившагося полицейскаго генерала, что правительство даже радо было-бы мятежнымъ дѣйствіямъ рабочихъ, ибо это дало бы ему поводъ къ такой кровавой расправѣ, которая на долго водворила бы всюду мерзость запустѣнія, развѣявъ по вѣтру всѣ существующія организаціи. Да, это было бы такъ, еслибы дѣйствительность складывалась иначе, чѣмъ она складывается теперь. Изъ пушекъ въ рабочаго не палятъ въ наши дни, но значитъ-ли это, что пушечные лафеты пустуютъ, что они не заняты орудіями, болѣе благопристойными по виду для „ мирнаго времени “ ? Несомнѣнно, лафеты чѣмъ-то заняты, ибо и безъ пушекъ сильныя бреши пробиваются въ рабочихъ организаціяхъ, вырываются изъ среды пролетаріата лучшія силы, пресѣкается порою на нѣкоторое время всякая возможность работы. И безъ пушечной пальбы находятъ чѣмъ палить въ рабочихъ въ особо острые моменты борьбы.

Но что же изъ этого ?

Одно дѣло — пользоваться успѣхомъ при избіеніи рабочихъ во Владимірской губ. или въ Ригѣ, Маріуполѣ или Ярославлѣ и иное дѣло устроить всероссійскую рабочую бойню. Въ Виѳлеемѣ Иродъ могъ избить четырнадцать тысячъ младенцевъ, но онъ, хотя бы въ немъ сидѣли всѣ ироды со всего свѣта, не въ состояніи былъ бы уничтожить младенцевъ всей Палестины. Въ тотъ моментъ, когда правительство начнетъ на всѣхъ пунктахъ разить „ внутренняго врага “, оно воочію убѣдится, что не всегда можно пользоваться солдатами, какъ палачами, что дѣти народа могутъ усмирять только единичныя вспышки, не будучи въ состояніи очистить свою мысль отъ муштры и дисциплины, но штыки ихъ или опустятся внизъ, или обратятся противъ самого правительства, когда весь фабрично-заводскій пролетаріатъ — сѣверъ за югомъ, востокъ за западомъ пойдетъ по одной и той-же дорогѣ.

Весьма вѣроятно, что правительство не поймет этого на первыхъ порахъ и по своей безпримѣрной безпардонности провозгласитъ всеобщую „ сѣкимъ-башку “. Но какъ бы оно ни было слѣпо, и ему въ концѣ концовъ придется процитировать въ примѣненіи къ себѣ слова стараго швейцарскаго революціонера Генци : „ все въ этомъ государствѣ испорчено — даже палачъ ! “

Россійская дѣйствительность такова, что намъ нельзя повторять гордаго и самоувѣреннаго замѣчанія одного изъ главъ нѣмецкой соціалдемократіи о соціальной революціи : „ Мы устроимъ ее тогда, когда намъ будетъ это выгодно. “ И черезъ два года, и черезъ пять лѣтъ, и сегодня и завтра на нашей сторонѣ — въ политической борьбѣ — все однѣ и тѣ же трудности положенія. Правительство не даетъ какъ слѣдуетъ съорганизоваться рабочимъ, оно все усиливаетъ палочные комплименты и черезъ пять лѣтъ дѣло организаціи рабочихъ, — если-бы все шло такъ, какъ идетъ теперь, — въ сущности мало подвинется впередъ.

Намъ нечего сидѣть у моря и ждать погоды; сколько бы мы ни сидѣли, намъ придется ѣхать все на тѣхъ-же корабляхъ и въ тотъ-же страшный штормъ. Наоборотъ, не выступая на путь политической борьбы, мы, революціонеры, можемъ остаться совершенно за флагомъ, очутиться въ роли пятаго колеса въ рабочемъ движеніи, ибо здѣсь уже достаточно явственно сквозятъ тяготѣнія къ политической борьбѣ. Разъ есть эти тяготѣнія, они будутъ проявляться въ жизни соотвѣтствующими фактами, а эти послѣдніе будутъ вызывать противъ себя правительственную расправу. Что-же медлить? Зачѣмъ-же открывать дорогу правительству къ частичнымъ избіеніямъ, не доводя дѣла до генеральныхъ битвъ, гдѣ шансы рабочихъ въ тысячу разъ сильнѣе, нежели въ отдѣльныхъ безслѣдно проходящихъ схваткахъ ?

Политическое самосознаніе рабочихъ можетъ раз-

виться только въ періодъ самой интенсивной, горячей борьбы. Мы живемъ не на Западѣ: пропаганда словомъ даетъ у насъ сравнительно незначительные результаты, область ея воздѣйствія не столько массы, сколько отдѣльные кружки, — все у насъ зиждется на пропагандѣ дѣйствіями. И потому да здравствуетъ тотъ усиленный темпъ рабочаго движенія, который будетъ отвѣтомъ на правительственныя репрессаліи! Да здравствуютъ тѣ пропагандисты и агитаторы, которые будутъ усиленно работать на почвѣ общаго возбужденія пролетаріата при потугахъ правительства истребить „очаги заразы"!

* * *

Въ серединѣ 80-хъ годовъ русскимъ революціонерамъ былъ нанесенъ слишкомъ тяжелый ударъ паденіемъ „Народной Воли" — революціонно - соціалистической партіи, сосредоточившей всѣ свои силы на борьбѣ за политическіе идеалы, которые бы послужили мостомъ къ соціалистическому строю. Подкосили „Народную Волю" и отсутствіе точекъ опоры въ трудовыхъ слояхъ населенія — это главное — и правительственный „бѣлый терроръ", и слишкомъ слабая поддержка революціонной дѣятельности либеральнымъ обществомъ, и потеря вѣры у самихъ народовольцевъ въ нѣкоторые устои ихъ программы, и, наконецъ, страшное перенапряженіе нервной энергіи, заставлявшее, такъ сказать, жить одно поколѣніе за счетъ послѣдующихъ и отрѣзывавшее возможность выставлять все новыя и новыя силы на смѣну борцамъ, расплющеннымъ правительственнымъ молотомъ.

Стали наслѣдники „Народной Воли" разбираться въ окружающей ихъ дѣйствительности, стали всматриваться въ прошлое, въ его положительныя и отрицательныя стороны. И вотъ каковы ихъ были думы.

Коренная ошибка „Нар. Воли"—это, то что ею слишкомъ мало вниманія удѣлялось трудящимся массамъ. Въ

своей литературѣ народовольцы говорили о массахъ, какъ о коллективномъ дѣятелѣ въ послѣднемъ актѣ той драмы, которая разыгрывалась между террористами и правительствомъ; это, конечно, предполагало широкую пропаганду въ массахъ, но, охваченный весь единоборствомъ съ царемъ и его присными, народоволецъ не могъ посвящать много силъ рабочему дѣлу и въ концѣ концовъ дѣятельность его въ массахъ фактически свелась чуть ли не къ одному выхватыванію отсюда наиболѣе сильныхъ и энергичныхъ единицъ для террористической борьбы. Если бы „Нар. Воля" имѣла за собой трудящіяся массы, она не погибла бы. Слѣдовательно, всѣ силы нужно направить на пропаганду и агитацію среди рабочаго населенія страны. Это должно быть тѣмъ болѣе такъ, что — какъ говоритъ наблюденіе дѣйствительности — Россія становится капиталистической страной, въ ней растетъ фабрично-заводскій пролетаріатъ, а этотъ слой рабочей массы, какъ свидѣтельствуетъ западная жизнь, является наиболѣе культурнымъ и воспріимчивымъ къ революціонной борьбѣ и соціалистическимъ идеаламъ, составляющимъ у него — у пролетаріата — логическій выводъ въ положительную сторону изъ отрицательныхъ чертъ современности.

Признаніе того, что рабочее движеніе должно стать центральнымъ цунктомъ революціонной программы, сдѣлалось общимъ у подавляющаго числа революціонеровъ. Небольшое меньшинство, отрицавшее этотъ пунктъ, частью совсѣмъ сошло съ революціонной сцены, такъ какъ у него не было своей собственной программы, диктующей, какова должна быть современная революціонная дѣятельность, а прежняя программа — за ней осталось одно бумажное, а отнюдь не жизненное значеніе, ибо она никого уже не вдохновляла на практическое дѣло. Такого рода, дѣйствительно „бывшимъ" людямъ или бывшимъ, еще не успѣвши пожить, оставалось только все и вся осыпать сарказмами и ѣдкой ироніей, ждать новыхъ пророковъ и иниціаторовъ, и, не дождавшись ихъ въ теченіи цѣлыхъ 15 лѣтъ, схо-

дить въ могилы. Частью же представители этого меньшинства, съигнорировавшаго рабочій вопросъ, какъ основной базисъ программы, — принялись за революціонную работу въ раздробь, безъ общей связующей программной нити: организація типографскаго дѣла, передача литературы изъ города въ городъ въ среду интеллигентнаго пролетаріата, оказаніе помощи измятымъ русскимъ правительствомъ и т. д., т. е. отдались въ высшей степени почтеннымъ и необходимымъ подсобнымъ революціоннымъ занятіямъ, не слитымъ только въ одно всероссійское революціонное дѣло съ ясно намѣченными цѣлями и хорошо опредѣленными результатами для ближайшаго будущаго, какъ это было въ моментъ работы „Нар. Воли".

Мы не можемъ остановиться на этого рода меньшинствѣ, такъ какъ такая остановка для насъ — въ виду цѣлей нашего очерка—была бы безрезультатной. Духъ народовольчества отлетѣлъ отъ этого меньшинства, осталась лишь буква его да святыя воспоминанія о прошломъ. Грандіозная машина 70 годовъ силой обстоятельствъ распалась на отдѣльныя свои составныя части; нѣкоторыя изъ нихъ были — и есть — совершенно новыя, сейчасъ-же годныя въ дѣло, другія — нуждались въ серьозной реставраціи, а третьи — въ замѣнѣ чѣмъ-либо совершенно противоположнымъ. Но вновь составить машину и пустить ее въ такой-же полный и быстрый ходъ, какъ это было въ 70-е годы—такая задача была бы по силамъ лишь той замѣчательной способности оріентироваться въ окружающемъ, какою обладала „Народная Воля" по отношенію къ своему времени, и той поразительной энергіи, которая составляетъ неотъемлемый ингредіентъ въ характеристикѣ славной партіи 70 годовъ. У продолжателей ея, выступившихъ подъ разными названіями, уже этого не было.

Если чѣмъ-либо и отразились въ жизни подмалевыванія прошлаго словами и кое-какими дѣйствіями, то развѣ чисто отрицательными результатами: допотопность аргументаціи, упорно отрицавшей массу корен-

ныхъ измѣненій въ дѣйствительности и знавшей одинъ лишь шаблонъ, заимствованный изъ живой работы прошлаго на все и про все, маскарадный характеръ нѣкоторыхъ продолжательскихъ дѣйствій (взять хотя-бы „распутинское дѣло", — это, конечно, мы беремъ уже крайности) — все это оказало плохую услугу революціонному движенію: во-первыхъ, какъ въ дурномъ зеркалѣ исказился образъ прошлой дѣятельности съ ея здоровыми зернами, ибо молодое поколѣніе стало судить обо всемъ прежнемъ по его реставрированію въ настоящемъ, а во вторыхъ эти склейки и подклейки — былъ своего рода квіетизмъ революціонной мысли, мѣшавшій ей активно работать при измѣнившихся условіяхъ жизни. Можно ли было ждать отсюда возрожденія живого революціонизма въ Россіи? — Поэтому-то мы и переходимъ прямо къ большинству, точнѣе, къ отношенію этого большинства къ рабочему дѣлу, ставшему, какъ мы уже упоминали, центральнымъ пунктомъ программъ.

Но предварительно намъ, для уясненія послѣдующаго, необходимо сосредоточить свое вниманіе хоть самымъ бѣглымъ образомъ на той атмосферѣ, въ которой происходила ликвидація прошлыхъ ошибокъ и выработка новыхъ взглядовъ.

Надо быть художникомъ, чтобы воспроизвести тотъ страшный психическій переломъ, который пришлось пережить новому поколѣнію революціонеровъ вслѣдъ за паденіемъ „Нар. Воли" — переломъ, явившійся необходимымъ слѣдствіемъ этого геройскаго въ неравной борьбѣ паденія. Еще вчера кипѣла неутомимая, ожесточенная борьба; на смѣну павшимъ ратникамъ вставали все новые и новые борцы; попытки одна грандіознѣе другой не переставали чередоваться другъ съ другомъ передъ ошеломленнымъ обществомъ и правительствомъ, которое не могло отрѣшиться отъ страха внезапной смерти даже и въ стѣнахъ Зимняго Дворца. Ни на одинъ моментъ не ослабѣвала энергія борцовъ, ни на одну минуту не опускались ихъ руки, не падали надежды; напротивъ, съ каждымъ мигомъ желанный берегъ казался

все ближе и ближе, еще одинъ взмахъ, одинъ напоръ —и борцы у цѣли. И вдругъ сегодня—гдѣ столъ былъ явствъ тамъ .... гробъ стоитъ! Ничего кромѣ жалкихъ обломковъ... Гдѣ-же та мощь революціонера, которая отъ лица партіи диктовала правительству ряды первично необходимыхъ реформъ? Неужели вся эта партія—лишь сплошной миѳъ? Гдѣ то правительство, которое вчера ежилось въ паническомъ страхѣ и, забывая о своемъ драгоцѣнномъ абсолютизмѣ, писало слезницы обществу, выдѣлывало реверансы прессѣ, предварительно лягнувъ ее копытомъ? Гдѣ всѣ эти „диктатуры сердца", кокетливыя лорисъ-меликовскія конституціи, акробатическія упражненія всякаго рода „Кохановскихъ" комиссій, гдѣ все это — выражаясь языкомъ Гейне — воркованье ехидны о любви, пѣсни волка и осла о свободѣ? Увы, всего этого сегодня нѣтъ! Никто не прислушивается къ требованіямъ революціонной партіи; ни одинъ шакалъ не любезничаетъ со свободой, а прямо и безхитростно исполняетъ свои функціи, не считая даже нужнымъ называть свои когти бархатными лапками и не искривляя своего обличія въ предупредительную улыбку. Правительство открыло свои карты, и онѣ оказались еще болѣе выигрышными для русскаго деспотизма, чѣмъ это было прежде. Всюду тоже безправіе, еще даже въ большей степени, чѣмъ наканунѣ; всюду та же непокрытая нищета и невѣжество; всюду то-же разбитое россійское корыто, изъ котораго обыватели лакаютъ помои вмѣстѣ со свиньями, а подъемъ духа либеральнаго общества, — да это живой сколокъ съ того древняго раба, который бѣжалъ помимо своей воли за колесницей тріумфатора и осыпалъ его ad majorem gloriam площадной бранью, а затѣмъ — если требовалось — былъ нещадно поротъ за свои грѣхи и грѣхи отцовъ... У революціоннаго колосса оказались глиняныя ноги и онъ рухнулъ подъ правительственную пяту Александра III, а орелъ восточнаго самодержавія царя-міропорца взвился такъ высоко, какъ не вздымались еще орлята его батюшки... Подавленный такимъ зрѣлищемъ,

нѣкоторыя черты котораго явились продуктомъ аберраціи зрѣнія, самого воспринимавшаго, — наслѣдникъ „Нар. Воли“ потерялъ вѣру въ мощь человѣческой личности вообще. Начался процессъ развѣнчанія этой личности, потопленія здоровой индивидуальности съ ея иниціативой и починомъ въ различныхъ псевдо-эволюціонныхъ теоріяхъ. Въ глазахъ многихъ революціонеровъ народоволецъ сталъ вырисовываться не просто на просто человѣкомъ, живое чувство котораго не въ состояніи было дольше терпѣть правительственный произволъ и толкнуло его на единоборство съ царизмомъ въ то время, какъ не было еще серьозной заручки въ массахъ и нельзя было какъ слѣдуетъ положиться на „либеральныя броженія“, словомъ, человѣкомъ, котораго обстоятельства вынудили вести не пунктуально-математическій, а форсированно-героическій счетъ своимъ силамъ, если будетъ такъ понятно; нѣтъ, народоволецъ сталъ представляться чѣмъ то, мнившимъ себя титаномъ, полнымъ властелиномъ колеса исторіи, полагавшимъ, что нѣсколькими щелчками онъ въ состояніи пересоздать всю Россію, повести ее самолично по тому пути развитія, который онъ самъ намѣтилъ ей, и проч. Народовольцамъ стали приписывать гораздо болѣе крайностей, чѣмъ было ихъ у любого самаго рьянаго мечтателя этой энергичной и въ основахъ своихъ трезво мыслившей революціонной партіи.

Надо избѣжать этихъ народовольческихъ крайностей!—такая задача стала передъ новымъ революціоннымъ поколѣніемъ. И многіе изъ его представителей избѣжали такъ напугавшихъ ихъ крайностей по гегелевскому рецепту: ударились въ полнѣйшую противоположность прошлому. Въ противовѣсъ титану, не хотѣвшему знать предѣла своимъ историческимъ силамъ, появился образъ quantité négligeable, образъ — простите — сверчка, знающаго свой революціонный шестокъ. Массы — законами своеобразнаго діалектическаго мышленія на больной почвѣ — были выдвинуты, какъ живая антитеза революціонной личности. Надо лишь прислушиваться къ то-

му, что дѣлается въ массахъ, — въ рабочей средѣ — какія намѣчаются тамъ теченія и сообразно этому и выдвигать такія задачи, которыя сейчасъ, въ данный моментъ, совпадаютъ съ хорошо уже опредѣлившимися тяготѣніями въ рабочей средѣ. Надо истолковывать эти тяготѣнія тѣмъ рабочимъ или цѣлымъ промышленнымъ районамъ, гдѣ еще слишкомъ слабы они. Своей какой-нибудь задачи, которая бы служила благу рабочаго люда, но далеко опережала бы думы его въ текущій моментъ, агитаторы и пропагандисты не могутъ вносить въ рабочую среду, ибо совершенно безцѣльно погружаться въ море безбрежной фантастики, а лучше дѣлать „практическое дѣло", которое изъ малаго, все расширяясь, постепенно выростаетъ въ великое. Притянута была на прокустово ложе постепеновщины и злосчастная теорія экономическаго матеріализма, которая въ вульгаризированномъ пониманіи стала не менѣе эластичной, чѣмъ іезуитская этика. Твореніемъ величайшаго изъ человѣческихъ геніевъ сталъ штопать всякія прорѣхи, сдабривать проповѣдь черепашьяго шага, ничуть несправляясь съ глубоко-революціоннымъ духомъ этого творенія... Какъ въ легальной литературѣ выросла теорія малыхъ дѣлишекъ, такъ и въ революціонной средѣ появилась та-же теорія малыхъ революціонныхъ поступковъ. Духъ широкой иниціативы уступилъ рабскому слѣдованію за злободневными запросами рабочихъ, адрессуемыми къ фабрикантамъ; преклоненіе передъ фактиками начало вытѣснять собой руководительство идей. Собственная роль агитаторовъ и пропагандистовъ въ рабочей средѣ чуть ли не на каждомъ перекресткѣ начала подвергаться всевозможнымъ высмѣиваніямъ. Революціонеру доставляло какое-то злорадное удовольствіе уничтожить себя въ своихъ собственныхъ глазахъ. „Интеллигенція* въ

*) Мы употребляемъ это до невозможности замаранное слово просто для краткости; мы не имѣемъ сейчасъ въ виду ни адвокатовъ, ни врачей, ни другихъ профессій съ свободомыслящей кокардой,—мы подразумѣваемъ лишь революціонеровъ соціалистовъ.

рабочемъ движеніи!" — это ничего больше не заслуживало кромѣ гомерическаго хохота. Тотъ день, когда пролетаріатъ сможетъ обойтись собственными силами безъ всякой революціонной „интеллигенціи" признавался самымъ желаннымъ днемъ. Сдѣлать самое себя совершенно не нужной въ рабочемъ движеніи — такова святая, провиденціальная роль „интеллигенціи". Точь въ точь та толпа, которая вела Лавуазье на казнь и кричала у его эшафота: „nous n'avons pas besoin des savants!"(„мы не нуждаемся въ ученыхъ") ... И если бы еще эти разсужденія покоились на томъ, что рабочее движеніе только тогда сильно и могуче, когда оно имѣетъ свою, изъ собственной же среды выдѣлившуюся интеллигенцію — въ этомъ было бы, конечно, раціональное основаніе. Но сплошь да рядомъ руководились не этой точкой зрѣнія, а просто самымъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ своей собственной интеллигентной персонѣ... Стоило только сказать „интеллигенція" (революціонная интеллигенція — еще разъ повторяемъ), какъ сейчасъ же на лицахъ появлялись ироническія улыбки и слышался рядъ колкостей на тему знаменитаго „мы"... „Намъ самимъ ничего не нужно!" (замѣчательная формулировка Гл. Ив. Успенскаго) — сдѣлалось лейтмотивомъ большей части разговоровъ... Не будетъ даже гиперболой сказать, что къ рабочимъ чуть ли не обращались съ просьбой: „плюйте на насъ, плюйте, братцы!" Это было въ своемъ родѣ повтореніе „кающагося дворянина", только подъ другимъ заглавіемъ и съ другого рода содержаніемъ: „кающійся революціонеръ", бичующій себя и за дѣйствительные, и за призрачные грѣхи отцовъ. Нѣтъ, даже нельзя сказать „революціонеръ" — ибо находилось не мало и такихъ представителей молодого поколѣнія, которые поносили самое слово революціонеръ, считая его чѣмъ-то вродѣ фейерверкера, пускающаго блестящія ракеты, отъ которыхъ остаются въ результатѣ лишь никому ненужныя трубки изъ картона... Идеи политической свободы, политической борьбы, какъ неотложной задачи сегодняшняго дня, — были, ко-

нечно, забыты. Это раздраженіе плѣнной революціонной мысли всевозможныхъ quantités négligeables. Какъ же этимъ утопіямъ появляться въ жизни среди бѣла дня?! Не мало находилось революціонеровъ, которые готовы были испепелить эти идеи. Сколько сарказмовъ выпадало на долю политической борьбы, этого основного тона, дѣлавшаго музыку прошлаго и не принесшаго будто-бы никакихъ осязательныхъ благъ настоящему. Находились — и еще чуть ли не на дняхъ — органы революціонной прессы, которые ничтоже сумняшеся, не долго раздумывали надъ тѣмъ, чтобы плюнуть въ тотъ колодезь, изъ котораго въ будущемъ придется воду пить. У самихъ quantités négligeables успѣло вымереть дѣйствительное тяготѣніе къ политическимъ идеаламъ... Оно и не могло не вымереть: все то, что не находитъ себѣ примѣненія въ жизни, — атрофируется.

Мы слишкомъ далеки отъ мысли приписывать огульно всѣмъ революціонерамъ только что очерченные нами взгляды на вещи. Мы прекрасно знаемъ, что существовали и существуютъ группы, которыя дѣятельно боролись и борятся съ этими взглядами. Тѣмъ не менѣе разсмотрѣнію отдѣльныхъ группъ мы сочли нужнымъ предпослать именно такую, а не иную обрисовку момента, наступившаго вслѣдъ за паденіемъ „Нар. Воли“ и отчасти сохранившаго свою власть и надъ настоящимъ. Дѣло въ томъ, что эти крайніе взгляды, эти выбрасыванія и дитяти изъ ванны вмѣстѣ съ грязной водой при критикѣ прошлаго, — не только говорятъ сами за себя, но и въ своей крикливо-уродливой формѣ свидѣтельствуютъ о болѣзни, все время гнѣздившейся въ революціонерахъ 80-90 гг.: было не мало революціонеровъ, отдававшихъ вполнѣ должное роли революціонной личности въ исторіи, но фактически, отсутствіемъ собственной иниціативы подтверждавшихъ, что эта роль сводится къ нулю; было не мало революціонеровъ, отстаивавшихъ необходимость политической борьбы, но фактически — опять отсутствіемъ собственнаго почина — краснорѣ-

чиво безъ словъ доказывавшихъ, что не все то „ необходимо “, что фигурируетъ подъ такимъ ярлыкомъ. Это мы увидимъ изъ дальнѣйшаго. Не думая обобщать для всего революціоннаго движенія конца 80 и 90 гг. указанныя нами крайности, мы тѣмъ не менѣе находимъ сущность ихъ даже въ рядахъ тѣхъ революціонеровъ, которые усиленно боролись съ этими крайностями. И это понятно : наше недавнее прошлое — не водевильное горе, а тяжкая драма, — и она не могла не изломать слѣдующаго поколѣнія...

Начнемъ съ революціонеровъ экономическаго направленія.

Здѣсь царила полная увѣренность въ томъ, что борьба экономическая есть въ то же самое время и борьба политическая, и изъ этого афоризма, обладающаго всѣми достоинствами и страдающаго всѣми недостатками хорошихъ афоризмовъ, дѣлался выводъ, что теперь нѣтъ нужды ни въ какой особой политической программѣ. Зачѣмъ она, разъ мы живемъ въ Россіи, гдѣ агитація за мелкіе злободневные вопросы принимаетъ политическій характеръ, благодаря особенностямъ нашего государственнаго устройства?! Борьба за пятакъ замыкала весь кругозоръ въ этомъ лагерѣ. И Боже сохрани было возражать, что это не есть настоящее революціонное дѣло! Со скрежетомъ зубовнымъ сыпали упреки въ отвѣтъ возражающимъ въ томъ, что они, возражающіе, никакъ не въ состояніи понять, какой плюсъ приноситъ пятакъ для благосостоянія рабочаго. Жалкихъ словъ по этому поводу тратилось море разливанное. „ Не революціонное дѣло! “ А по вашему — уничтожали они своихъ противниковъ , — революціонно лишь-то , что забрызгано кровью, баррикады, бряцаніе оружіемъ, пламенныя воззванія о мести огнемъ и мечемъ — вотъ что революціонно?! Мелко-буржуазныя воззрѣнія старыхъ кумушекъ — вотъ что вы считаете революціей, а не ростъ ра-

бочаго движенія, тихо и медленно, но зато вѣрно сносящій съ дороги всѣ препоны и размывающій всѣ плотины! И согласно съ этимъ не мелко-буржуазные представители экономической фракціи называли революціоннымъ каждый отпоръ рабочаго своему десятнику, каждое требованіе измѣненія разцѣнокъ. Революціонный духъ отлетѣлъ отъ нихъ и они превратились въ культуртрегеровъ, только высшаго полета, нежели обыкновенные культурники. Въ концѣ концовъ многіе изъ нихъ выкинули на своемъ шатрѣ флагъ съ письменами изъ Бернштейна, и „новаторъ" нѣмецкой соціалъ-демократіи явился для нихъ нотаріусомъ, который засвидѣтельствовалъ съ приложеніемъ собственнаго подписа и печати ихнюю постепеновщину.

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что эта фракція питала своими соками мысль о революціонерѣ-интеллигентѣ, какъ о quantité négligeable. Этотъ фактъ какъ разъ соотвѣтствовалъ логикѣ вещей: вѣдь, люди этой фракціи не вносили совершенно новыхъ идей въ рабочую среду en masse — они только развивали уже успѣвшее назрѣть, придавали ему болѣе глубокую форму, переносили въ другіе рабочіе районы. А если такъ, то велика ли дѣйствительно роль интеллигента-революціонера въ рабочей средѣ? Это не акушеръ, а простая повитуха съ очень немногосложными функціями.

Отдавая вполнѣ должное людямъ экономическаго направленія революціонной мысли, признавая всю пользу, которую они оказали на первыхъ стадіяхъ развитія рабочаго движенія; понимая поскольку въ такомъ міровоззрѣніи виновата русская исторія, отбросившая революціонную мысль на совершенно противоположный полюсъ, а также поскольку такіе способы работы обусловливались самымъ фактомъ эмбріональности рабочаго движенія въ Россіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и, наконецъ, поскольку виновата общая всѣмъ людямъ слабость, заставляющая спеціализировавшихся въ какой нибудь одного рода работѣ — считать его

всѣмъ и вся; — зная все это и принимая въ расчетъ, мы тѣмъ не менѣе не можемъ относиться терпимо къ узкому экономизму и къ теперешней его формѣ — бернштейніанству. Въ тысячу разъ легче перенести ударъ правительственной плети, нежели пропаганду бернштейніанства, культурничающаго тамъ, гдѣ мѣсто революціонной борьбѣ! Нагайка ничего не душитъ на долгое время — наоборотъ, она вызываетъ отпоръ; бернштейніанская же пропаганда экономической борьбы толкаетъ революціонера въ болотную тину, а эта тина засасываетъ человѣка.

Переходя къ политическому направленію революціонной мысли, мы не можемъ не отмѣтить на первый взглядъ страннаго обстоятельства: поскольку экономическій лагерь являлъ собой хоть узкую, но все же цѣльность — по крайней мѣрѣ по внѣшнему виду, поскольку же эта цѣльность была основана на нѣкоторыхъ взаимныхъ недоразумѣніяхъ революціонеровъ, мы скажемъ ниже — постольку здѣсь, въ политическомъ лагерѣ, все время существовала какая-то удивительная половинчатость.

Возьмемъ литературу. Самыми ясными словами въ ней говорилось, жирнѣйшимъ шрифтомъ печаталось о необходимости политической борьбы и при томъ массовой политической борьбы. Но переберите вы „Библіотеку Современнаго Соціализма", „Рабочую Библіотеку", „Соціально-Революціонную Библіотеку", и т. д. и окажется, что здѣсь меньше всего книжекъ для рабочаго и больше всего о рабочемъ. Если революціонеръ проникнется вполнѣ взглядами „Библіотекъ" и вознамѣрится приложить ихъ къ массовой политической борьбѣ, т. е. содѣйствовать ея развитію, — онъ при первомъ-же своемъ жизненномъ шагѣ долженъ почувствовать себя безоружнымъ. Онъ съ отчаяніемъ долженъ констатировать, что ему не съ чѣмъ двинуться въ рабочую среду en masse. Скудость литературы для рабочаго была все время крайне поразительна. Въ то время, какъ экономическія идеи обстав-

лялись, если не съ достодолжнымъ комфортомъ, то все же мало мальски прилично, не декретировались, а аргументировались съ разныхъ сторонъ, — въ то самое время идеи политическія были на положеніи бездомнаго пролетарія. То онѣ приткнутся въ какую нибудь брошюру чисто экономическаго характера и выглядываютъ оттуда нѣсколькими десятками фразъ, то онѣ обрѣтутъ себѣ покой въ брошюрахъ о рабочихъ, въ программахъ разныхъ и отсюда должны свѣтить массамъ. Въ концѣ концовъ въ качествѣ орудія для политической пропаганды и агитаціи оказывается нѣсколько тезисовъ: „ правительство — врагъ рабочаго дѣла! “, „ рабочему прежде всего нужна политическая свобода! “ и т. д. Получаются какія-то нотабене, которыя нужно принять къ свѣдѣнію, и отдѣльные рабочіе ихъ и принимаютъ, а массы отъ этого ровно ничего еще не выигрываютъ. И въ результатѣ мы оставались при программахъ съ разными desiderata, цѣльными и стройными на четвертушкѣ бумаги, но совершенно безжизненными за отсутствіемъ литературы и за отсутствіемъ указанія путей, какъ сейчасъ реализовать эти desiderata, какова должна быть въ настоящее время планомѣрная политическая массовая борьба. Чѣмъ это объяснить? Чѣмъ объяснить то обстоятельство, что мы имѣли не политическую литературу для рабочихъ, а лишь сентенціи и политическую моралистику для интеллигентовъ-революціонеровъ? Тѣмъ, что революціонный писатель получаетъ императивный мандатъ отъ самой жизни. Народовольцы имѣли довольно богатую литературу; не для рабочихъ, правда, но въ силу обстоятельствъ центромъ ихъ дѣятельности были не массы, а другія сферы, и вотъ для этихъ-то другихъ сферъ, для выработки изъ нихъ практиковъ-народовольцевъ и сочувствующихъ, они и имѣли довольно богатую литературу. Таковъ былъ mandat impératif жизни и литература подчинилась ему. Мы, наслѣдники „ Народной Воли “, открыли безконечные турниры объ „ экономикѣ “ и „ политикѣ “

— получивъ на этотъ счетъ соотвѣтствующій мандатъ, литература добросовѣстно отнеслась къ нему; мы дни и ночи вели безконечные споры о рабочемъ — литература и здѣсь откликнулась всей наличностью своихъ силъ; мы фактически не стояли на почвѣ массовой политической агитаціи и такой же пропаганды, мы проводили политическіе взгляды среди интеллигентныхъ или довольно интеллигентныхъ рабочихъ, въ кружкахъ — и просмотрите „Библіотеки", вы найдете тамъ хорошій матеріалъ для занятій „политикой" въ кружкахъ. Но массы — на этотъ счетъ жизнь не давала mandat impératif и литература въ этомъ отношеніи, значитъ, могла проявить только самую слабую иниціативу. Какова жизнь, такова и литература.

Мы оставляемъ въ сторонѣ какія нибудь отдѣльныя кружковыя занятія, при которыхъ единицамъ и десяткамъ рабочихъ развивались политическія идеи. Развѣ это, важно? Важна политическая агитація въ массахъ; при ней — и только при ней — получаетъ крупное значеніе пропаганда въ кружкахъ (кружковая работа — это бродъ, черезъ который революція переходитъ въ массы), а безъ нея — это фактически или формированье мелкой буржуазіи изъ рабочихъ или учеба политической грамотѣ съ 90 шансами на рецидивъ политической безграмотности, ибо разъ нѣтъ политической работы въ массахъ, у единицъ политическіе стремленія превращаются въ усохшую смоковницу, не дающую плодовъ. А такой-то именно работы въ массахъ и не было. Если бы это было не такъ, то рабочимъ преподносились бы не различнаго рода абстракціи, а указывались бы конкретныя цѣли съ опредѣленными средствами, которыми массы бы стали сейчасъ въ рядѣ выставляемыхъ требованій, въ рядѣ организованныхъ массовыхъ протестовъ добиваться политической свободы. Эти годы русская реакція неслась впередъ бѣшенымъ галопомъ, растаптывая въ порошокъ все мало-мальски человѣческое въ Россіи, ознаменовывая себя такими гнусными фактами, что, можетъ быть, каждый изъ нихъ способенъ былъ бы выз-

вать взрывъ возмущенія трудящихся слоевъ народа, если бы велась агитація на почвѣ этихъ фактовъ. При такой агитаціи давно уже стало бы ясно, что notre pauvre boutique du Tzar est pourrie (сгнила наша царская лавченка). Но объ огромномъ большинствѣ правительственныхъ гнусностей рабочіе не имѣютъ даже и понятія. Мы, революціонеры, настолько успѣли придышаться къ гнилому воздуху отчизны, что все усердіе правительства еще болѣе заслякостить окружающее, вызываетъ въ насъ только ироническія улыбки и пожиманіе плечами, а не гнѣвное и страстное чувство отравить правительство имъ же самимъ испускаемыми міазмами. „Политическая свобода!“ — осталось въ насъ больше какъ рудиментъ прежняго развитія; живой политическій вопросъ у многихъ и многихъ залегъ на ту полочку, гдѣ покоятся различныя крайне интересныя проблемы для человѣческаго ума, не руководящія, однако, всѣми актами человѣческой жизни. Не будучи цѣликомъ проникнуты политической идеей, мы и не могли одухотворять ею каждый шагъ нашъ въ рабочей средѣ. У насъ политическое понятіе замѣнилось политическимъ словомъ, политическое дѣло — подъ этимъ именемъ стали фигурировать возведенные мышленіемъ въ кубъ маленькіе фактики съ блѣднымъ политическимъ колоритомъ.

Такое положеніе вещей — повторимъ еще и еще разъ — явилось продуктомъ того ряда условій, который раздавилъ „Нар. Волю“ и затормозилъ на нѣкоторое время революціонную дѣятельность въ широкихъ размѣрахъ и въ ускоренномъ темпѣ. Усиленная пропаганда политическихъ идей и агитація за политическую борьбу въ массахъ требовали большой иниціативы мысли, самостоятельной оріентировки въ едва намѣчающихся жизненныхъ теченіяхъ, творческаго отношенія къ жизни. Не находить въ подспорье себѣ хотя бы даже елеле опредѣлившіеся взгляды массъ, а привлекать симпатіи ихъ къ совершенно невѣдомому имъ, но настоятельно необходимому для нихъ, искать точекъ опоры

и тяжелой вооруженной руки для идеи, еще не колыхавшей пока массы, какъ колыхалъ ее гнетъ капиталистовъ : трудная это задача! Она оказалась непосильной для революціонера 80 и начала 90 гг. — его слишкомъ обезсилило недавнее нервное перенапряженіе и страшное кровопусканіе. Въ борьбѣ экономической требовалось неизмѣримо меньше собственной иниціативы, собственнаго творчества, чѣмъ въ борьбѣ политической. Здѣсь сама жизнь прокладывала дороги стихійной силой, здѣсь опытъ запада давалъ не мало руководящихъ указаній. Поэтому революціонеры и сосредоточились на экономической борьбѣ. Одна фракція ихъ возвела свою дѣятельность въ принципъ, не оставляющій „ пока что " желать чего либо лучшаго ; а другая, признавая необходимость и политической борьбы, тѣмъ не менѣе работала фактически лишь на почвѣ экономической. Поэтому, не смотря на всѣ печатныя заявленія группъ, признававшихъ необходимость политической борьбы и выставлявшихъ политическія программы, мы при всемъ нашемъ почтеніи къ этимъ группамъ и при всемъ признаніи заслугъ за ихъ заявленіями, имѣемъ полное основаніе сказать, что всеже въ 80-ые и въ первую половину 90-хъ гг. въ рабочей средѣ en masse не велось политической агитаціи и пропаганды. Не согласиться съ этимъ — это значитъ влагать въ слова и анонсы группъ гораздо больше содержанія, чѣмъ имѣетъ его сама жизнь.

Теперь, за самое послѣднее время, теоретичность политической борьбы начинаетъ уступать мѣсто жизненнымъ политическимъ актамъ. Это происходитъ главнымъ образомъ подъ бодрящимъ воздѣйствіемъ рабочаго движенія, все раскидывающагося по сторонамъ и углубляющаго свое русло ; отчасти правительственныя репрессаліи, съ каждымъ годомъ все больше и больше вытравливающія возможность создавать солидныя организаціи, должны были до неимовѣрности обострить вопросы политической борьбы ; затѣмъ, за пятнадцати лѣтній періодъ, когда политическая борьба пребывала

in spe, „мы славно выспались, отдохнули, можно со свѣжими силами и за работу“, какъ выразился приблизительно такъ Плехановъ въ статьѣ о Чернышевскомъ. И, наконецъ, — это уже продуктъ самыхъ послѣднихъ дней — на революціонера должно было оказать сильное воздѣйствіе возбужденіе въ „обществѣ“.

Какъ бы мрачно ни смотрѣть на дѣйствительность, необходимо признать, что первые шаги въ направленіи политической борьбы уже дѣлаются. Теперь уже фактически ведется политическая агитація и пропаганда въ массахъ. И литература сразу-же явилась вѣрной выразительницей жизни. Возьмите вы періодическія изданія („Рабочее Знамя“, „Рабочее Дѣло“, „Искру“), возьмите вы рядъ выходящихъ брошюръ и листковъ. И по своему количеству они превосходятъ все то, что было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и по своему содержанію — они уже не то, что было раньше. Теперь неизмѣримо меньше мы имѣемъ о рабочемъ и не въ примѣръ больше для рабочаго. Мы можемъ находить тѣ или иные недостатки въ „Рабочемъ Дѣлѣ“, „Искрѣ“, „Рабоч. Знамени“, но это уже или недостатки переходнаго времени, неуспѣвшаго еще какъ слѣдуетъ очиститься отъ вчерашняго доктринерства, отъ туманной и расплывчатой постановки политическихъ вопросовъ и т. д., или-же это просто недостатки выполненія. Какъ тѣ, такъ и другіе могутъ исчезнуть, понятно, въ самомъ ближайшемъ будущемъ, лишь только литература приспособится какъ слѣдуетъ къ mandat impératif жизни. За это говорятъ уже нѣкоторыя замѣчательныя изданія „Союза“, какъ напр. „Рабочее дѣло въ Россіи“.

Мы хотимъ остановиться сейчасъ еще на одномъ характерномъ показателѣ наступленія новыхъ временъ. За самые послѣдніе дни экономическое направленіе революціонной мысли сформулировало свои взгляды гораздо рѣзче и выразительнѣе, чѣмъ это было еще наканунѣ. Вчера оно было своего рода безпоповщиной, т. е. экономическія задачи не имѣли одного опредѣленнаго тол-

кованія и понимались то уже, то шире; въ силу этого къ экономическому лагерю — именно благодаря расплывчатости аргументаціи, позволявшей въ термины вкладывать больше содержанія, чѣмъ они его имѣли, — примыкали люди по существу своему вовсе не сторонники узкаго экономическаго культуртрегерства.

Теперь мы имѣемъ дѣло съ бернштейніанствомъ. А категорическая, прямая постановка вопросовъ бернштейніанства безъ всякой возможности уширеннаго пониманія вещей должна была повлечь за собой и болѣе ясную и опредѣленную формулировку вопросовъ у представителей другихъ фракцій. Экономическому крохоборчеству надо было съ большей силой, чѣмъ раньше, противопоставить значеніе и необходимость политической борьбы пролетаріата.

Политическіе вопросы въ кружкахъ революціонеровъ поэтому теперь дебатируются съ большей живостью, чѣмъ года два назадъ; взаимныя бесѣды революціонеровъ теперь гораздо чаще ведутся на политическія темы, чѣмъ раньше. Афористичность въ постановкѣ вопросовъ замѣняется ихъ дѣйствительной разработкой. А это ведетъ къ тому, что сглаживаются многія взаимныя недоразумѣнія между истиннымъ соціальдемократизмомъ, по самому существу своемустоящимъ за полититическую борьбу, и другими соціально-политическими фракціями Россіи. Прежде дебаты о политической борьбѣ носили какой-то сумбурный характеръ, — соціаль-демократы скользили по политическимъ вопросамъ, боясь особенно рѣзко подчеркнуть политическія идеи, не видя надобности распространяться на политическія темы, ограничиваясь лишь „признаніемъ въ принципѣ“ политической борьбы; съ своей стороны, другія политическія фракціи принимали недоговоренность рѣчей, схематичность положеній за полное отсутствіе въ соціальдемократіи политическихъ стремленій. Первые, благодаря туманной постановкѣ вопросовъ у разнокачественныхъ представителей экономическаго теченія, находили здѣсь болѣе общихъ точекъ соприкосновенія,

чѣмъ въ другихъ фракціяхъ соціалистовъ, стоящихъ за политическую борьбу, хотя и не соціаль-демократовъ; послѣдніе-же, т. е. эти другія фракціи выносили себя часто за одну скобку съ представителями чисто „ народническаго " характера, гдѣ отъ соціализма остались лишь одни пріятныя жидковатыя воспоминанія.

А между тѣмъ, еслибы не было столпотворенія вавилонскаго, когда люди говорятъ на разныхъ языкахъ, давно бы уже было возможно сліяніе соціаль-демократіи съ другими соціалистическими фракціями, настоятельно выдвигавшими и выдвигающими политическую борьбу. Теперь этому можетъ значительно посодѣйствовать бернштейніанство, требующее солиднаго себѣ отпора и, значитъ, рѣшительной постановки вопросовъ. Мы говоримъ такъ осторожно „ можетъ " потому что, къ сожалѣнію, допустима и другая возможность.

Именно, мы боимся, что и бернштейніанская теорія и бернштейніанская практика окажутъ слишкомъ плохую услугу русской революціонной мысли. Мы боимся — и нашъ страхъ не безоснователенъ : уже есть разные признаки въ легальной прессѣ и въ разныхъ нелегальныхъ разговорахъ, — что бернштейніанскими теоріями у насъ воспользуются, чтобы совершить покушеніе на Маркса съ негодными средствами, какъ въ 70 гг., въ моментъ перехода отъ „ экономики " къ „ политикѣ ", покушались на того же Маркса оружіемъ, позаимствованнымъ у разныхъ Дюринговъ... Такое ужъ несчастье русской жизни : чтобы отстоять какую нибудь вѣрную мысль, русскій революціонеръ готовъ черпать для нея откуда угодно аргументы — и у Вольтмана, и у Мазарика, и у Бернштейна, лишь-бы набрать „ embarras des richesses " доказательствъ... Словно рѣчь идетъ о мельницѣ какой, на которую надо лишь возможно больше воды — хоть чистой, хоть мутной — все равно...

Мы готовы защищать вѣрныя и правильныя идеи, критиковать заблужденія и ошибки, но поищемъ для этого аргументовъ отнюдь не у Бернштейновъ, и не въ

буржуазной философіи, которую призвалъ къ себѣ на помощь для идейной обосновки своего status quo разрушающійся капиталистическій строй. Мы найдемъ для нашей критики и для созданія органическихъ теорій аргументы и помимо бернштейнскихъ, и намъ слишкомъ больно видѣть, какъ прокладываетъ себѣ дорогу въ революціонные умы теоретическій сумбуръ западной литературы настоящаго времени, намъ слишкомъ тяжело даже представить себѣ, что у насъ можетъ образоваться еще новая идейная почва для разъединенія революціонеровъ, которые уже очень долго вмѣсто дружной семьи живутъ какими то друзьями-врагами...

Резюмируя все сказанное нами, мы приходимъ къ выводу, что :

Задача интеллигента-революціонера, глубоко осмысливающаго нужды настоящаго момента, опредѣляется теперь уже болѣе, чѣмъ ясно : нести идею политической борьбы въ среду пролетаріата, пропагандировать ее, развивая политическое самосознаніе рабочихъ, и агитировать за нее, ставя передъ рабочими рядъ политическихъ требованій, осуществленія которыхъ нужно добиваться теперь же во всемъ ихъ полномъ объемѣ.

Это, конечно, только формулировка задачи, формулировка въ самыхъ общихъ чертахъ, не дающая еще отвѣта, какъ должна воплощаться въ жизнь эта задача.

Выполненіе ея должно пойти по нѣсколькимъ, чтобы не сказать по многимъ путямъ, имѣя лишь исходнымъ и конечнымъ пунктомъ одинъ центръ — рабочее движеніе — одинъ Римъ, куда должны вести всѣ дороги.

*
* *

1) Масса революціонныхъ силъ сосредотачивается теперь ВЪ РАБОЧЕМЪ ДВИЖЕНІИ. Тутъ онѣ, понятно,и должны оставаться, чтобы работать непосредственно въ рабочемъ дѣлѣ. То есть создавать политическіе органы для рабочихъ, выпускать брошюры, трактующія о политическихъ вопросахъ, прокламаціи, использывающія всѣ движенія русской жизни въ рабочей средѣ и внѣ ея — въ политическихъ цѣляхъ. При каждой изъ забастовокъ стараться, чтобы рабочими были выставлены и политическія требованія. Стараться устраивать демонстраціи рабочихъ не только 1-го мая, но и при всякомъ удобномъ случаѣ, прилагая всѣ свои силы на то, чтобы эти демонстраціи были отвѣтомъ на тѣ или иныя проявленія правительственнаго гнета, обрушивающагося прямо ли на рабочихъ или вообще на всякіе проблески свободы въ россійскихъ потемкахъ.

Наконецъ, самой важной задачей революціонеровъ-соціалистовъ является созданіе Центральнаго Рабочаго Комитета Всероссійской Революціонно-Соціалистической Партіи. Мы говоримъ — и не мы даже, а сама жизнь говоритъ это — о необходимости созданія того, что у „Народной Воли“ носило названіе Исполнительнаго Комитета. Само собой разумѣется, согласно измѣнившимся условіямъ дѣйствительности, роль и функціи Центральнаго Рабочаго Комитета и могутъ, и должны быть крупнѣе и разностороннѣе, чѣмъ то было у Исп. Ком. въ моментъ дѣйствія „Народной Воли“. Въ рукахъ Центр. Рабочаго Комитета должно быть — все, руководство всѣмъ политическимъ движеніемъ въ Россіи, основывающемся на соціализмѣ или на демократизмѣ — безразлично. Соединеніе мѣстныхъ рабочихъ организацій всевозможными средствами, начиная отъ созыва съѣздовъ и кончая созданіемъ единаго оффиціальнаго органа печати для всей соціалистической партіи, начиная отъ общаго руководства кружковыми занятіями и кончая руководствомъ въ устройствѣ и веденіи демонстрацій — это, конечно, главная, коренная

цѣль Центральнаго Рабочаго Комитета. Но этимъ не могутъ исчерпываться его функціи, иначе Комитетъ не будетъ стоять на высотѣ своего революціоннаго положенія. Все то, что дѣлается въ средѣ крестьянства и въ разныхъ общественныхъ слояхъ, выступающихъ на борьбу за демократическій идеалъ, террористическіе факты, необходимость которыхъ выдвигается жизнью (все это нами будетъ развиваться дальше), пропаганду въ войскахъ — Центральный Рабочій Комитетъ долженъ взять въ свое вѣдѣніе. Ничего дезорганизованнаго не должно твориться въ Россіи: у насъ слишкомъ мало силъ, нашъ успѣхъ — въ могучей центральной организаціи. Надо создать ее и похоронить всѣ брызги старыхъ и новыхъ теченій, всѣ частныя разногласія: намъ необходима одна единая соціалистическая партія съ Рабочимъ Центральнымъ Комитетомъ и съ единымъ оффиціальнымъ органомъ печати! Намъ пора бросить клички и дѣйствовать въ единой соціалистической партіи противъ царскаго режима за демократическій идеалъ, какъ переходную ступень къ коллективистическому строю. Въ самомъ худшемъ случаѣ мы должны объединиться хоть въ качествѣ Коалиціоннаго Союза русскихъ соціалистовъ и создать Центральный Комитетъ этого Союза.

Отъ имени партіи, какъ это было въ славную пору „Народной Воли", диктовались бы правительству требованія Россіи, отъ имени партіи приглашались бы революціонеры къ строго планомѣрной дѣятельности въ разныхъ мѣстахъ нашей родины, отъ имени партіи призывались бы рабочіе на политическую борьбу, отъ имени партіи шли бы запросы къ обществу насчетъ денегъ или вообще всевозможной помощи, отъ имени партіи шли бы воззванія къ лучшимъ элементамъ Россіи о протестахъ противъ царскаго произвола, партіей же, карались бы враги рабочаго дѣла и демократическихъ основъ жизни.

Если вкратцѣ сказать, что дѣлать въ рабочей средѣ революціонеру, то это будетъ такъ: всѣми сред-

ствами и чѣмъ больше ихъ, тѣмъ лучше — проводить активно политическія идеи въ рабочія массы. Проводить и самымъ мирнымъ путемъ, и путемъ террористическимъ, если бы въ томъ явилась надобность, а за нею, кажется, не будетъ остановки, когда правительственная реакція выступитъ въ полномъ своемъ блескѣ. Напр. въ иныхъ случаяхъ избіеніе шпіонскихъ отрядовъ и вообще правительственныхъ агентовъ, есть дѣло насущной важности. И его долженъ взять на себя Центральный Рабочій Комитетъ и его мѣстныя организаціи. Слишкомъ печально, когда такіе факты совершаются личной иниціативой глубоко возмущенныхъ героическихъ единицъ. А они повторяются все чаще и чаще. Ихъ можно прекратить только дѣломъ, взявъ на себя, на организацію, казнь тѣхъ лицъ, которыхъ она сочтетъ необходимымъ казнить.

Въ борьбѣ съ царскимъ правительствомъ намъ не приходится смущаться жестокостью крайнихъ средствъ:

Wir sind die Wandallen der Milde,
Wir sind die Barbaren des Rechts;
Wir führen die Freiheit im Schilde,
Die Freiheit des Menschengeschlechts.

(Мы вандалы во имя человѣчности, мы варвары во имя права, мы несемъ подъ щитомъ свободу, — свободу рода человѣческаго).

---

2) ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ СРЕДИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ.

Здѣсь необходима прежде всего организація массовыхъ протестовъ въ родѣ недавнихъ студенческихъ волненій. Мало того, что это приноситъ серьезныя непріятности правительству и разбиваетъ его силы, внося смуту въ ряды его представителей, ибо въ университетахъ обучается не мало дѣтей бюрократіи, но и кромѣ этого волненія студентовъ продуктивно служатъ рабочему дѣлу. Въ виду того, что рабочій выросъ, какъ человѣкъ вообще, всякія активныя броженія среди

учащейся молодежи не проходятъ безслѣдно для рабочихъ — они повышаютъ ихъ политическое самосознаніе. Этого доказывать не приходится: событія текущаго года говорятъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Кромѣ организаціи массовыхъ протестовъ въ студенческой средѣ и использованія въ политическихъ цѣляхъ всѣхъ возникающихъ здѣсь волненій, передъ революціонеромъ-интеллигентомъ стоитъ и еще одна задача въ этой студенческой средѣ: привлеченіе къ революціонно-соціалистическому дѣлу лучшихъ элементовъ студенчества. О блестящей роли молодежи въ нашемъ революціонномъ движеніи, о большомъ количествѣ цѣнныхъ работниковъ, вышедшихъ отсюда — извѣстно всякому мало-мальски свѣдущему человѣку.

Теперь, послѣ звѣрской расправы со студентами создана правительствомъ благопріятная почва для возбужденія революціоннаго духа среди студенчества и отсюда еще больше будетъ выходить борцовъ, чѣмъ прежде.

Не только, само собою разумѣется, среди студентовъ и студентокъ необходимо работать революціонеру-соціалисту, но и вообще среди всей учащейся молодежи — въ семинаріяхъ, въ земледѣльческихъ училищахъ и проч. Но здѣсь уже, конечно, не можетъ быть рѣчи о прямой революціонной работѣ; занятія съ юной учащейся молодежью должны носить подготовительный характеръ.

---

3) СРЕДИ ЛИБЕРАЛЬНО-БУРЖУАЗНЫХЪ СЛОЕВЪ, изъ которыхъ складывается общество и общественное мнѣніе, должны вестись усиленно пропаганда и агитація.

Всякіе протесты этого общества тогда ли, когда уничтожаютъ и самоуправляющуюся полуду земскихъ рукомойниковъ, когда съуживаютъ до нельзя составъ избирателей и избираемыхъ въ земствахъ и въ городскихъ „самоуправленіяхъ“, когдагрозно топаютъ сановными ножками и на шопотъ въ Вольно-Экономическомъ

обществѣ, когда предаютъ анафемѣ и азбучную грамоту, оставляя въ библіотекахъ и читальняхъ корешки вмѣсто книгъ, когда гнетутъ вѣроисповѣданія, жмутъ и давятъ національности, когда избиваютъ на площадяхъ казацкими нагайками россійскихъ обывателей и т. д. — всякіе протесты въ этихъ случаяхъ, заявляя лишній разъ правительству, что люди еще не изгибли въ конецъ, а кое какъ влачатъ свое бренное существованіе, въ то же время поддерживаютъ огонекъ въ самомъ обществѣ и, что очень важно, даютъ прекрасный матеріалъ для пропаганды и агитаціи среди рабочихъ.

Эти протесты въ связи съ вызвавшими ихъ фактами, рельефно могутъ обрисовать нашъ царизмъ. И поэтому необходимо поддерживать ихъ и, гдѣ можно, возбуждать соотвѣтствующей литературой и устной агитаціей. Рабочій не меньше заинтересованъ, чѣмъ либеральные элементы общества въ томъ, чтобы мысли не вычеркивались изъ обихода русской жизни, самодѣятельность населенія не заковывалась въ инквизиціонныя колодки, чтобы государственныя дѣла вершились не полицейскими скопищами, а самими гражданами, — и если общество протестуетъ противъ правительственныхъ мѣръ, внѣдряющихъ всюду азіатчину, рабочіе всегда поддержатъ эти протесты, если только пропаганда и агитація среди нихъ введутъ ихъ въ курсъ дѣла.

За послѣдніе полтора десятка лѣтъ либеральная часть общества не выступала ни съ какими протестами. Сама по себѣ она не настолько сильна, а главное не настолько энергична, чтобы протестовать самолично за свой собственный счетъ безъ сильныхъ подкрѣпленій извнѣ этого протеста и безъ стимуловъ къ нему опять таки со стороны. Въ 70-ые годы, когда существовали движенія и протесты въ обществѣ, спайкой для нихъ служила наличность революціонной партіи, которая выставляла тѣ самыя политическія задачи, которыя назрѣвали и въ средѣ либераловъ. Большая часть либераловъ могла ополчаться и ополчалась противъ рево-

люціонеровъ и способа ихъ дѣйствій, но идеи партіи ей, поскольку она вникала въ нихъ, не добираясь до соціалистической сердцевины — были дороги и близки, и она, вопія о „внутреннихъ врагахъ“ въ униссонъ съ правительствомъ, въ то-же время вопіяла и о политическихъ реформахъ, лелѣя при этомъ въ тайникахъ своей души мысль о томъ, что Александръ II именно потому и расщедрится на реформы, что революціонеры вносятъ „смуту“ въ жизнь.

Въ 90 ые годы между революціоннымъ движеніемъ и либералами порвалась чуть-ли не всякая связь, не считая, конечно, той, какая существуетъ, благодаря работѣ нѣкоторой части либераловъ въ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ для рабочей массы и не считая личныхъ дружескихъ связей между отдѣльными революціонерами и отдѣльными либералами. Но мы говоримъ не о частностяхъ, а объ общемъ.

Рабочее движеніе, которое не выставляло политическихъ требованій, а здѣсь былъ сосредоточенъ весь центръ революціонныхъ силъ — было совершенно чуждымъ либераламъ. Они не могли провозить свой товаръ подъ рабочимъ флагомъ, ибо весь корабль, цѣликомъ, былъ переполненъ предметами, либераламъ совершенно не нужными и не находящими отклика въ ихъ собственныхъ стремленіяхъ, по крайней мѣрѣ въ большихъ размѣрахъ. И поэтому они предпочитали лучше притихнуть и примолкнуть, питаться какими нибудь грезами и надеждами чѣмъ примкнуть къ чужому для нихъ движенію.

Революціонеры дѣлали попытки закрѣпить связи съ либералами; самой громкой и крупной попыткой этого рода является созданіе группы „Народнаго Права“. Съ одной стороны эта группа явилась какъ-бы протестомъ противъ анемичнаго состоянія политической борьбы въ Россіи, съ другой стороны, raison d'être ея покоился на стремленіяхъ сплотить либеральные слои общества во имя борьбы съ россійскимъ безправіемъ.

Попытки „ Народнаго Права “ не могли увѣнчаться никакимъ существеннымъ успѣхомъ, ибо онѣ

имѣли подъ собою зыбкую почву : сама по себѣ либеральная часть общества слишкомъ ничтожна, чтобы протесты ея могли пользоваться вѣсомъ въ глазахъ современнаго, разжирѣвшаго на реакціонныхъ хлѣбахъ правительства, да и къ тому же организація этихъ протестовъ—задача съ очень проблемматическими результатами, — либеральнаго буржуа можно вызвать на отпоры правительственнымъ дѣяніямъ лишь въ особо горячіе моменты, когда и „ человѣко-домы " превращаются въ людей, въ обыденное же время — онъ можетъ только ворчать и болѣе или менѣе громко всхлипывать, а съ этимъ далеко не уѣдешь...

Революціонный либерализмъ въ Россіи, вѣками приспосаблявшейся къ холопскимъ формамъ существованія, — явленіе крайне рѣдкое и можетъ выступать на сцену лишь въ тотъ моментъ, когда уже объявлена война правительству или со стороны плеяды могучихъ личностей, — какъ это было въ 70-ые годы, — или со стороны трудящихся массъ. Ни того, ни другого не было въ моментъ возникновенія „Нар. Права".

Теперь перемѣнилось взаимоотношеніе революціонныхъ группъ и либеральныхъ элементовъ общества. Теперь рабочее движеніе выступаетъ съ рядомъ политическихъ задачъ. Значитъ, есть почва для совмѣстной работы.

Проглядывая опытъ прошлаго, мы замѣчаемъ, что либеральная часть общества выдвигаетъ изъ себя три категоріи силъ, входящихъ въ соприкосновеніе съ русскими общественно-политическими дѣлами.

Это — вопервыхъ — люди, беззавѣтно преданные политической идеѣ, готовые для нея на все. За свободу печати, — только даже за нее! — они положатъ голову на плаху и будутъ жалѣть лишь о томъ, что висѣлица отнимаетъ у нихъ возможность дальше бороться съ русскимъ правительствомъ. Въ террористическомъ движеніи 70-хъ годовъ, такъ рѣзко подчеркнувшемъ политическія задачи, участвовали даже и въ качествѣ активныхъ дѣятелей не только соціалисты, но и въ пол-

номъ, благородномъ смыслѣ этого слова — либералы. Вѣроятно, покойный Кравчинскій (Степнякъ) ихъ и имѣлъ въ виду, когда говорилъ, что у насъ въ Россіи часто не бываетъ существенной разницы между „либералами“ и „радикалами“.

Конечно, категорія такихъ бойцовъ, передъ памятью которыхъ почтительно склонится и голова всякаго революціонера-соціалиста, не такъ уже велика. Вѣрнѣе, она даже незначительна. Гораздо многочисленнѣе вторая категорія либеральнаго общества: именно, людей сочувствующихъ, оказывающихъ денежную или иную какую поддержку революціонерамъ, людей, безусловно честныхъ, но слишкомъ мало активныхъ, не настолько проникнутыхъ политической идеей, чтобы ради нея поступиться своимъ хозяйственнымъ благополучіемъ Марфы. Они по мѣрѣ своихъ силъ протестуютъ и въ печати, и въ ученыхъ обществахъ, и въ земствѣ, и на дому, и на улицѣ, усиленно доказывая всякими дозволенными пріемами, что ежевыя рукавицы — срамъ, позоръ и мерзость, что кнутобойству отошло лѣто красное и надо поставить свободу во главу угла русской жизни. Это средніе люди, нули безъ революціонныхъ единицъ, и извѣстная сила, когда поднято революціонерами знамя борьбы.

Наконецъ, третья самая многочисленная категорія либерально-буржуазнаго общества — это люди, которые вовсе не прочь получить свободныя учрежденія и вообще свободу всякихъ видовъ, но въ то же самое время настолько увязшіе въ буржуазной грязи, что они не могутъ не швырять комьями ея въ революціонное дѣло, отстаивая каждый волосокъ на собственной шкурѣ. Тоненькимъ дискантомъ они выкрикиваютъ „свобода!“ и тутъ же раскатистымъ басомъ проносится ихнее „бей враговъ!“ (революціонеровъ). Съ каждой правительственной репрессаліей они басятъ все зычнѣе, но и жужжаніе о свободѣ становится все настоятельнѣе и въ концѣ концовъ получается такое смѣшеніе языковъ, что даже высокочиновные Дыбы и Удавы на-

чинаютъ между своими полицейскими окриками что-то буркать о свободѣ, и у правительства уже опускаются руки, оно не знаетъ гдѣ и кого надо бить и въ безпамятствѣ стегаетъ самого себя и отдавливаетъ собственныя ноги...

Вотъ три категоріи либераловъ 70-хъ годовъ. На такія ли группы они подѣлятся и въ настоящее время или же на какія либо иныя? Думается намъ, что теперь будетъ нѣкоторая разница сравнительно съ 70 годами. Первая категорія — она останется во всей своей неприкосновенности. Во второй же произойдутъ, надо полагать, нѣкоторыя измѣненія къ лучшему. Въ прошлую революціонную эпоху либералы метались по сторонамъ, чая движенія воды и всяческихъ политическихъ реформъ, въ томъ числѣ и конституціи, отъ гуманства Александра II-го. Имъ рисовался въ ореолѣ образъ „Освободителя" и вся его реакціонная политика казалась имъ дѣломъ временнымъ, за которымъ наступитъ царство политической благодати. Теперь уже никакой надежды въ этомъ родѣ быть не можетъ: либералы пережили кошмаръ царствованія Александра III, никогда не разстававшагося съ дубиной на страхъ врагамъ и человѣческому разуму, схоронили свои надежды на Николая II, прослушавши его рѣчь о „безсмысленныхъ мечтаніяхъ", а главное ознакомившись съ свойствами его внутренней политики, вплоть до „временныхъ правилъ" и избіеній на площадяхъ и т. д., не фантазируютъ больше о благородствѣ и широкихъ замыслахъ матушки-царицы, „дочери свободнаго народа", про которую досужіе языки Бобчинскихъ распустили массу всякихъ сплетенъ и „возвышающихъ обмановъ", не чаютъ уже — какъ это было нѣкоторое время — получить политическую свободу на золотомъ блюдѣ въ презентъ отъ министра финансовъ Витте; они уже знаютъ, а не знаютъ, такъ убѣдятся въ томъ въ скорыя сатурналіи русской реакціи, что отъ правительства кромѣ батожья и египетской тьмы нечего ждать... Если оно пустится на какіе-нибудь посулы журавля въ небѣ, то на этотъ разъ его положе-

ніе уже не таково, какъ 70 гг.: съ политическими требованіями передъ нимъ будетъ стоять уже не революціонная партія съ гадательной поддержкой извнѣ, въ массахъ, а партія дѣйствительно опирающаяся на сильное рабочее движеніе. Посулами нельзя будетъ ограничиться, подачками всякихъ фальсификацій и суррогатовъ свободы — тоже, и придется въ корнѣ измѣнить всѣ свои аппетиты и всю свою дѣятельность, а это, понятно, невозможно для русскаго правительства: волкъ всегда останется волкомъ, ибо его природа такова. Поэтому правительство и будетъ бороться съ революціонными элементами и со всякими зачатками свободнаго мышленія въ русскомъ обществѣ всѣми своими силами и до послѣдней возможности. А отсюда слѣдуетъ, что и степень возбужденія либеральнаго общества будетъ сильнѣе, чѣмъ въ 70 гг., ибо ему ждать и надѣяться уже будетъ не на что и придется прямо примкнуть къ революціонной борьбѣ и итти на проломъ. — Сообразно этому измѣнится и третья категорія буржуа-либераловъ: холопы, пока они увѣрены, что правительство сильно и можетъ, не отказываясь отъ всего, надѣлить общество унцемъ свободы, — они, когда увидятъ категорическое положеніе вещей, лавиной двигающееся на правительство, перемѣнятъ фронтъ и заявятъ, что они не хотятъ быть холопами даже и у Господа Бога, а не только что у всероссійской деспотіи...

Можетъ быть, мы и ошибаемся въ своихъ представленіяхъ о ближайшемъ будущемъ, но тотъ фактъ, что теперь настали моментъ и возможность заключить временный союзъ съ либералами — этотъ фактъ безспоренъ. Союзъ долженъ быть именно временный, ибо ни съ одной изъ либеральныхъ группъ революціонеры-соціалисты не могутъ слиться такъ, чтобы у нихъ было одно общее дѣло во всѣхъ его коренныхъ чертахъ. Политическая свобода — вотъ что должно единить собой людей, различныхъ по своимъ основнымъ задачамъ.

Было время, когда только Мадзини и Гарибальди провозглашали, что хоть съ богомъ, хоть съ чертомъ,

но революція должна быть совершена и настало другое время, когда эти же слова вылетѣли изъ устъ Бебеля *).

Но работая вмѣстѣ съ либералами, мы будемъ постоянно помнить, что ихъ даетъ намъ въ союзники само правительство, лишая русское общество и тѣни свободы, а поэтому мы и отнесемся къ нимъ, какъ къ товарищамъ, даннымъ намъ, но не выбраннымъ нами самими. Мы будемъ стоять на стражѣ, чтобы трудовой людъ не наградили такой конституціей, которая почти совсѣмъ оттѣсняла бы трудящіеся слои населенія отъ представительныхъ учрежденій, а для собственниковъ, для буржуазіи свивала бы жгутъ на расправу съ свободными стремленіями рабочихъ. Мы выставимъ свою собственную политическую програму съ наибольшими выгодами для трудящихся массъ, у насъ будетъ своя декларація правъ человѣка и гражданина, гдѣ не будетъ гимновъ и carte blanche частной собственности на полную власть въ государствѣ, мы будемъ стремиться къ завоеванію наилучшаго политическаго строя, какой только возможенъ при современномъ, ненавистномъ намъ капиталистическомъ порядкѣ вещей, и за этотъ наилучшій строй мы и будемъ агитировать среди рабочихъ.

Если либералы, цѣня „права" и выгоды собственности, не пойдутъ рука объ руку съ нашей программой, будутъ отстаивать наиболѣе удобную для нихъ съ фантомами жалкой свободы, игнорирующей рабочаго и преклоняющейся лишь передъ однимъ тельцомъ — имущественнымъ цензомъ, они этимъ самымъ станутъ въ ряды враговъ рабочаго революціоннаго дѣла и мы будемъ съ ними считаться, какъ съ врагами. Но это можетъ слу-

*) Считаемъ не безъинтереснымъ привести подлинныя слова Бебеля: „Для боевой партіи, подобно нашей, цѣлью является одержаніе побѣды; если ее невозможно одержать собственными силами, — а такая попытка должна быть сдѣлана при всякихъ условіяхъ, — то въ случаѣ нужды (у насъ же, россіянъ, именно такая нужда сейчасъ) ее нужно одержать съ помощью черта и его бабушки, конечно, не продавая имъ своей души, въ данномъ случаѣ принциповъ партіи." (Neue Zeit, 1898—99 г. I S. 238; цитировано нами изъ книжки Прокоповича).

читься отнюдь не сегодня и не завтра, не при первыхъ призывахъ къ политической борьбѣ и не при первыхъ ея шагахъ, а уже наканунѣ достиженія намѣченныхъ цѣлей. Пока-же они непремѣнно будутъ за одно съ нами и мы сдѣлали бы крупную политическую ошибку, не заключивъ съ ними временного коалиціоннаго союза.

Тѣ самое правительство, которое своимъ царизмомъ даетъ намъ въ союзники либеральные слои общества, — ставитъ намъ на пути всѣ преграды для соединенія съ нашимъ естественнымъ союзникомъ — съ крестьянствомъ, т. е. съ той его частью, которая живетъ трудами рукъ своихъ, а не потомъ чужого загорбка. Сейчасъ мы и переходимъ къ аграрному вопросу и дѣятельности:

4) СРЕДИ КРЕСТЬЯНЪ. Здѣсь нѣтъ той прямолинейности и простоты въ постановкѣ, какъ въ вопросѣ о фабрично заводскихъ рабочихъ. Тамъ революціонная работа развертывается въ двухъ направленіяхъ: 1) пропаганда и агитація служатъ задачамъ настоящаго, стремясь подрыть существующій политическій строй и, поскольку это возможно при капиталистическомъ status quo, улучшить сейчасъ-же экономическое положеніе рабочихъ массъ, 2) онѣ — пропаганда и агитація — служатъ интересамъ ближайшаго и отдаленнаго будущаго, создавая среди рабочихъ такія организаціи и воззрѣнія, которыя шагъ за шагомъ ведутъ къ соціалистическому строю. Оба эти теченія революціонной дѣятельности одинаково необходимы и, слѣдуя имъ, рабочій не дѣлаетъ ни одного шага въ сторону: его организаціи — не лѣса на постройкахъ, которые снимаются, когда зданіе окончено, а фундаментъ будущаго зданія.

Иначе обстоитъ дѣло въ крестьянской средѣ. Извѣстное изрѣченіе нѣмецкаго экономиста: „Arbeiterfrage ist Kulturfrage“ (рабочій вопросъ есть вопросъ

всей культуры), оставаясь въ полной силѣ и для Россіи, — тѣмъ не менѣе только одна сторона медали, а другая — это Bauerfrage (крестьянскій вопросъ) равнымъ же образомъ Kulturfrage. Только чуть-ли не вся созидающая, положительная дѣятельность по крестьянскому вопросу переносится обстоятельствами русской жизни въ будущее. Приступить теперь къ осуществленію въ крестьянской средѣ какой бы то ни было положительной аграрной программы — это нѣчто детонирующее со всѣми условіями русскаго существованія. Нашъ современный политическій бытъ съ его полицейскими западнями Побѣдоносце-Сипягиныхъ и — что еще важнѣе — финансовыми системами господъ Витте будутъ обращать въ прахъ всякія экономическія организаціи крестьянъ, и, значитъ, заботиться о созиданіи ихъ въ данный моментъ есть тоже, что цѣдить воду сквозь дырявое рѣшето. Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ уголкахъ и уцѣлѣетъ нѣсколько артелей, товариществъ и проч. Но что отъ этого выиграетъ общее положеніе всей крестьянской трудящейся массы? Приходится ли говорить объ этомъ, когда нѣтъ надежды, что отдѣльные рѣденькіе ручейки сольются въ одинъ общій потокъ? Такихъ надеждъ не можетъ быть, ибо Россія велика, полицейскими и фискалами обильна, а революціонными силами, которыя бы еще размѣнивались и на культуртрегерство — слишкомъ бѣдна.

Не приходится говорить и объ организаціи систематическихъ стачекъ въ крестьянской средѣ со стороны пролетаріевъ. Не такъ ужъ много ихъ занято въ крупныхъ хозяйствахъ; масса рабочихъ силъ раскидана по хозяйствамъ среднимъ и мелкимъ, что кореннымъ образомъ препятствуетъ единенію между сельско-хозяйственными батраками, да и самое единеніе неизмѣримо труднѣе, чѣмъ въ быту фабричныхъ рабочихъ, хотя бы уже въ зависимости отъ такихъ факторовъ, какъ территорія имѣній и общія условія сельскаго хозяйства, къ своей невыгодѣ весьма разнящіяся отъ общихъ условій промышленности. Конечно, здѣсь стачки возникаютъ

и могутъ возникать и революціонеры при случаѣ должны имъ содѣйствовать, но внести ихъ въ революціонную программу врядъ ли было бы особенно продуктивно. Усиленно и планомѣрно заниматься стачками въ крестьянской средѣ можно лишь въ свободномъ политическомъ строѣ, заботясь о воспитаніи классового самосознанія батраковъ и воспринятіи ими соціалистическихъ идеаловъ. Теперь же, когда передъ Россіей стоитъ первой задачей завоеваніе политической свободы, — не приходится говорить о стачкахъ среди крестьянскаго населенія, какъ о серьезномъ программномъ вопросѣ.

Будущее—и будущее ближайшее: другой день русской политической революціи—не только не оттолкнетъ отъ себя аграрныхъ вопросовъ, но, наоборотъ, его программы отведутъ въ себѣ очень видное мѣсто имъ, разъ эти программы будутъ стремиться къ практическому значенію въ жизни. Для сегодняшняго-же дня у насъ должно выработаться отношеніе къ крестьянству не какъ къ силѣ, которой нужно споспѣшествовать въ созданіи экономическихъ формъ, ведущихъ къ соціализму, или какъ силѣ, могущей теперь отстаивать свои классовые интересы въ систематической борьбѣ съ нанимателями—нѣтъ, мы должны смотрѣть на дѣятельность среди крестьянъ совершенно иначе. И, думается намъ, вотъ какъ.

Масса русскихъ фабрикъ, въ противоположность Западу, раскидана у насъ не въ городахъ, а въ кольцѣ крестьянскихъ деревень. Ближайшее къ нимъ населеніе волей не волей находится въ постоянномъ соприкосновеніи съ фабриками и работающими на нихъ. До сихъ поръ крестьяне лишь мимоходомъ, лишь изрѣдка успѣвали воспринимать кое-что изъ прогрессивныхъ теченій рабочаго быта. Эти теченія, замыкавшіяся въ рамкахъ специфическихъ интересовъ промышленныхъ рабочихъ данной округи или даже данной фабрики, были не совсѣмъ ясны крестьянамъ, а если и ясны, то во всякомъ случаѣ слишкомъ мало говорили крестьянству о томъ,

что-же дѣлать ему самому, чтобы въ параллель съ рабочими улучшать и собственный бытъ.

Въ настоящее время, когда рабочее движеніе выходитъ на болѣе широкую дорогу, иначе оно должно отразиться и на пониманіи крестьянства, облегающаго собою фабрики и заводы. Объяснить брошюрой или книжкой, рѣчью или прокламаціей весь гнетъ существующаго политическаго строя, не обмолвившись ни однимъ словомъ о томъ, что все трудовое населеніе страны отъ мала до велика находится въ ужасныхъ тискахъ и нищетѣ, ограничиться лишь указаніями на то, что политическая свобода необходима потому, что наше безправіе мѣшаетъ устраивать стачки, ассоціаціи и пр., караетъ ихъ нещадно, словомъ заслоняетъ дорогу рабочимъ къ великой работѣ — ограничиться только этимъ было бы вещью совершенно немыслимой. Для этого надо совсѣмъ изолироваться отъ жизни, смотрѣть сквозь пальцы на всю ея тяготу и не пользоваться самыми богатыми матеріалами для пропаганды. Непремѣнно будетъ подчеркиваться всякій разъ рабочимъ и бѣдственное положеніе крестьянства, его хроническія голодовки, процвѣтающій въ деревнѣ грабежъ среди бѣла дня, позорная порка, земскій начальникъ, обряженный въ перья Бога и царя и т. д. Это будетъ подчеркиваться уже въ силу того, что выросшее самосознаніе рабочаго-человѣка постоянно предъявляетъ запросы объ общемъ положеніи вещей въ Россіи. И такимъ образомъ въ рабочей литературѣ, въ пропагандѣ и агитаціи, въ рабочихъ манифестаціяхъ и требованіяхъ прозвучитъ такая нота, которая не можетъ не откликнуться эхомъ и въ крестьянской средѣ. Рабочій явится не номинальнымъ, а фактическимъ носителемъ идеи трудового благосостоянія Россіи, и чѣмъ больше въ рабочей массѣ будетъ говориться о каторжномъ существованіи мужика, тѣмъ больше шансовъ на поддержку фабричныхъ рабочихъ окрестными крестьянами, тѣмъ больше шансовъ, что въ деревняхъ возникнетъ сильное броженіе, подкрѣпляющее собою проявленія рабочей борьбы. Вѣщее слово пропаганды о крестьянскихъ дѣ-

лахъ разнесутъ по деревнямъ и рабочіе, отправляющіеся туда на побывку, и рабочіе-крестьяне, лишь временно занятые на фабрикахъ, и рабочіе, разсылаемые въ наказаніе на мѣста своей родины — въ деревню. Разнесетъ это слово и литература, которая, трактуя о крестьянскомъ вопросѣ для рабочаго, сдѣлается хоть время отъ времени гостемъ и въ крестьянской избѣ.

Пропагандой этого рода не исчерпывается, конечно, все то, что можетъ и должно быть сдѣлано въ революціонномъ отношеніи для крестьянства. Не мало живетъ въ деревнѣ революціонно-настроенныхъ и желающихъ работать по мѣрѣ силъ своихъ интеллигентовъ — врачей, учителей, ветеринаровъ и пр. Ихъ загналъ сюда „кусокъ хлѣба" и большинство изъ нихъ связано условіями жизни съ деревней на долгое время. Приниматься за революціонную дѣятельность въ деревнѣ они до сихъ поръ не могли, ибо что бы они ни дѣлали — все это были бы разрозненныя, ничѣмъ не связанныя попытки. Все это было бы, если не безполезной работой, то культуртрегерствомъ, полезнымъ лишь съ той точки зрѣнія, что въ общей экономіи природы ничто безъ остатка не пропадаетъ. Теперь-же, разъ въ рабочей средѣ, этой наиболѣе окрѣпшей твердынѣ нашего революціонизма, раздадутся слова о крестьянствѣ, будутъ сдѣланы попытки слить, гдѣ это будетъ можно, крестьянство въ одинъ голосъ съ бастующими и протестующими рабочими; теперь, когда рабочее движеніе выдвигаетъ политическіе запросы, когда крестьянство значительно выросло по сравненію съ прошлымъ — о чемъ мы будемъ говорить дальше, — теперь и пропаганда въ деревнѣ не явится той мишурной дѣятельностью, какою она была бы два-три года назадъ.

Мы говоримъ не о томъ, чтобы кликнуть кличъ: „въ деревню!" — мы говоримъ всего лишь объ использованіи тѣхъ силъ, которыя привязаны обстоятельствами личной жизни къ деревнѣ, или тѣхъ силъ, которымъ почему либо особенно симпатична дѣятельность въ деревнѣ.

Что-же можно дѣлать въ крестьянской средѣ? На этотъ вопросъ въ данный моментъ отвѣтить гораздо труднѣе, нежели на вопросъ, что дѣлать въ средѣ промышленныхъ рабочихъ. За послѣднее десятилѣтіе революціонная мысль почти что отвыкла отъ аграрныхъ вопросовъ. Революціонеры говорили и повторяли о крестьянахъ лишь то, о чемъ трактовала наша легальная пресса; трактовала же она объ артеляхъ и запашкахъ, натуральномъ и капиталистическомъ строѣ деревни и т. д., или не оставляя отъ всего этого камня на камнѣ, или-же любовно расхваливая. Въ огромной своей части это было споромъ журнальныхъ славянъ между собой безъ всякаго плюса для революціоннаго дѣла. Революціонная же мысль не ставила предъ собою вопроса, можетъ-ли она какимъ нибудь способомъ сослужить службу въ крестьянской средѣ сейчасъ, въ данный моментъ. Всякая пропаганда среди крестьянъ безцѣльна, и благодаря мелко буржуазности сельскаго населенія, его полной некультурности, приверженности къ „устоямъ", и благодаря политическимъ условіямъ Россіи. Такъ было рѣшено съ самаго начала на основаніи журнальныхъ выкладокъ и якобы неумолимаго опыта прошлаго, поставлена мертвая точка и за нее не переступали. Голодный 91-ый годъ былъ послѣдней данью думѣ 60-хъ и начала 70-хъ годовъ о революціонной дѣятельности среди крестьянъ.

Въ этомъ была и своя доля истины, когда указывалось на дѣятельность русскихъ полицейскихъ фараоновъ, когда говорилось о слишкомъ низкомъ культурномъ уровнѣ крестьянъ и невозможности съ малыми активно-дѣйствующими силами включать въ свою программу и деревню.

Но была въ этомъ и ошибка, съ каждымъ годомъ принимавшая все болѣе и болѣе крупные размѣры: революціонная мысль должна была поработать надъ тѣмъ, чтобы использовать въ революціонномъ отношеніи силы, волею судебъ попавшія въ деревню. Имъ — этимъ постоянно прибывавшимъ и прибывающимъ силамъ —

надо было найти работу среди крестьянъ, такую работу, которая входила бы ингредіентомъ въ общую программу революціонной дѣятельности среди трудящихся массъ. Объ этомъ мы раньше не подумали. Стали думать теперь, когда аграрный вопросъ выдвинулся острымъ ребромъ, благодаря теоретической и отчасти практической постановкамъ на западѣ и настоятельнымъ запросамъ русской дѣйствительности.

Впрочемъ, здѣсь необходима оговорка, — не вся нелегальная литература ставила крестъ надъ работой среди крестьянства. Иногда объ использованіи дѣятелей, попавшихъ въ деревню, говорилось въ высшей степени ясно и краснорѣчиво, но эти постановки вопроса, волей россійскихъ судебъ, походили на старинные законы, совершенно безцѣльно обременяющіе какой нибудь кодексъ, хотя давно уже никто не думаетъ приводить ихъ въ исполненіе. Таковыми ихъ дѣлало полное равнодушіе — чтобы не сказать болѣе — революціонеровъ къ практическимъ проблеммамъ революціоннаго аграрнаго вопроса. Не находя стимуловъ и поддержки въ жизни, признающіе необходимость работы въ деревнѣ дальше этого признанія и не пошли, оставивъ совершенно не разработаннымъ вопросъ о наилучшихъ способахъ борьбы, благопріятствующихъ ей обстоятельствахъ и т. д.

Кажется, только теперь наступаетъ подходящій моментъ для того, чтобы скелетъ общихъ положеній обросъ живою плотью.

Что дѣлать въ настоящее время въ крестьянской средѣ — нѣкоторый отвѣтъ на это даютъ сами крестьяне. Пока они находились внѣ поля революціоннаго зрѣнія, они успѣли создать въ своей средѣ подъ давленіемъ экономическихъ условій, нѣкоторыя движенія, весьма благопріятныя для революціоннаго воздѣйствія. Если въ однихъ мѣстахъ они разучились какъ бы то ни было протестовать, превзойдя въ выносливости даже китайскаго кули, — взять хоть бы знаменитую псковскую „голодную лёжку", — то зато въ другихъ мѣстахъ

они не разъ протестовали и боролись, ложились костьми за свои клочки земли, за угнетающее ихъ земельное хищничество и создавали порой такія грандіозныя дѣла, какъ ставропольское (Самарской губ.), гдѣ тысячи стояли грудью „за землю", „за разобраніе" ея изъ рукъ графа Орлова-Давыдова.

Эта крестьянская борьба за землю была и есть чисто стихійной, протестомъ голоднаго, у котораго рвутъ изъ горла послѣдній ломоть хлѣба. Но если бы, напримѣръ, въ такое крупное дѣло, какъ ставропольское, были заронены со стороны лучи сознанія не проходимцами, а революціонными работниками, — кто знаетъ во что бы оно выросло?! Если бы во время аграрныхъ безпорядковъ, составляющихъ не малую цыфру и по сообщеніямъ нашей подневольной прессы, — крестьяне получали соотвѣтствующую литературу, имѣли бы въ своей средѣ сознательныхъ революціонно-соціалистическихъ агитаторовъ — неизвѣстно: порками и прикладами заканчивались бы крестьянскія движенія, а затѣмъ затихали бы и замирали пришибленные рабы, или же, наоборотъ, не затишье вершило бы собой мужицкія волненія, а сѣть послѣднихъ все разросталась бы и разросталась!...

Надо, вѣдь, принять во вниманіе и то обстоятельство, что теперешнее крестьянство по сравненію съ крестьянствомъ 60-70-хъ годовъ значительно выросло, стало болѣе воспріимчивымъ къ пропагандѣ и агитаціи.

Таковымъ его сдѣлало, вопервыхъ, капиталистическое хозяйство, силой ворвавшееся въ патріархально-натуральный строй жизни, во вторыхъ, стоящіе въ органической связи съ новымъ типомъ хозяйства отхожіе промыслы въ громадныхъ размѣрахъ, въ третьихъ, воздѣйствіе — то болѣе, то менѣе интенсивное — города и фабрики на міровоззрѣніе крестьянской молодежи; въ четвертыхъ, какъ ни какъ, а по сравненію съ прошлымъ, значительные успѣхи школьной грамоты и внѣшкольнаго образованія; наконецъ, прогрессивно и не-

уклонно обострявшаяся и обостряющаяся тягота жизни, сводящая чуть ли не къ нулю земельное обезпеченіе массы крестьянства и все увеличивающіеся денежные расходы крестьянской мошны на различныя подати и повинности, — тягота, дѣлающая порой положеніе крестьянъ совершенно безвыходнымъ. Въ чаду этой тяготы и образъ „царя-батюшки“ успѣлъ значительно закоптиться и потускнѣть, тѣмъ болѣе, что молодое поколѣніе крестьянъ не бросаетъ уже на него безсчетнаго количества свѣтлыхъ тѣней, ибо оно гораздо сознательнѣе и культурнѣе стариковъ.

Но если бы даже это было и не такъ, если бы царь представлялся поголовно всей деревнѣ „краснымъ солнышкомъ“, — то это еще не значитъ, что на призывы агитаторовъ къ борьбѣ за землю, крестьянинъ кинетъ въ отвѣтъ имъ: мы погрѣемся въ теплыхъ лучахъ нашего „краснаго солнышка“! Поднимаясь и теперь на борьбу съ земельнымъ хищничествомъ, крестьянинъ, въ концѣ концовъ, уповаетъ на собственный кулакъ, истощивъ безплодно всѣ слезницы передъ лакеями престола. Какъ бы хорошо ни былъ припаянъ образъ царя къ міровоззрѣнію крестьянина, но призывъ „за землю“! отъ этого не потерпитъ никакого фіаско, и крестьянинъ не остановится въ благоговѣніи передъ штыками, хотя бы каждый изъ нихъ былъ изукрашенъ портретами всей царской фамиліи. Онъ пойдетъ со своими вилами и рогатинами „за землю“, если только не будутъ удовлетворены его справедливыя аграрныя требованія, пойдетъ очень мало думая о „царяхъ-солнышкахъ“, а сосредоточивъ всѣ свои думы на собственной земельной скудости и жизненной тяготѣ.

Мы вовсе не хотимъ сказать, что революціонная работа въ крестьянской средѣ способна привести сейчасъ же ко всеобщему крестьянскому возстанію. Относительно этого пункта мы находимся въ такомъ же невѣденіи, какъ вѣрующіе относительно страшнаго суда. Можетъ быть, даже безъ всякой пропаганды и агитаціи завтра же вспыхнетъ страшное крестьянское воз-

станіе такъ же неожиданно, какъ возникали холерные и чумные бунты, — почвы и матеріаловъ для этого достаточно накопилось, и какой нибудь одинъ фактъ, одно крылатое слово — хотя бы самаго глупаго и нелѣпаго характера — способны вдругъ сгрудить всю крестьянскую Россію, освѣтить ее пожарами, залить кровью и потрясти стонами и воплями съ подножья и до верховъ...

Но, можетъ быть, и никакая пропаганда и агитація не въ состояніи сейчасъ сплотить крестьянскую массу для совмѣстныхъ дѣйствій съ промышленными рабочими и требованія ими — крестьянами — раціональнаго рѣшенія аграрныхъ вопросовъ. Можетъ быть, еще на долгіе годы суждено крестьянской Россіи влачить такое же жалкое существованіе, какъ сейчасъ, проявляющееся по перефиріямъ кое гдѣ вспышками, а кое гдѣ и псковскими лежками....

Все можетъ быть и, не желая безполезно гадать, мы на этомъ ровно ничего не строимъ, не ждемъ необходимымъ вѣнцомъ революціонной дѣятельности среди крестьянъ массовыхъ возстаній въ деревнѣ. Мы лишь утверждаемъ, что теперь настало время, благодаря измѣнившейся обстановкѣ жизни съ эпохи 60-70 годовъ, болѣе благопріятное для пропаганды, чѣмъ это было, напр., въ моментъ дѣйствій землевольцевъ и чернопередѣльцевъ.

И потому необходимо, чтобы заброшенные въ крестьянскую среду революціонеры разсѣивали здѣсь революціонныя идеи безъ всякихъ указаній какъ поступать въ такихъ то и такихъ то конкретныхъ случаяхъ, если силы крестьянъ въ данной мѣстности слишкомъ недостаточны для открытой борьбы. Необходимо, чтобы революціонеры давали такія конкретныя указанія при всякихъ аграрныхъ стычкахъ, — если силы крестьянъ представляютъ собою солидную величину (какъ это было, напр., въ ставропольскомъ дѣлѣ). Необходимо, чтобы революціонеры при малѣйшей возможности старались раздувать возникающія аграрныя дѣла и даже по собственной иниціативѣ искуственно

создавать ихъ, если для этого находится почва. Необходимо, чтобы наряду съ земскими лѣчебно-продовольственными пунктами въ мѣстахъ скопленія пришлыхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ создавались революціонно-продовольственные пункты, снабжающіе рабочихъ революціонной литературой. Необходимо привлекать и организовывать сельскихъ учителей и вообще сельскую интеллигенцію, поддающуюся воздѣйствію, чтобы они изъ крестьянской молодежи, отправляющейся на фабрики и заводы вырабатывали борцовъ за трудовое дѣло, которые, придя въ промышленные центры, сразу же принимались бы за революціонную работу. Необходимо, чтобы по всей странѣ пронеслось слово о землѣ, какъ общественной собственности, собственности всей трудящейся мужицкой громады, обо всѣхъ рабовладѣльцахъ-дворянахъ, промышленникахъ, фабрикантахъ, бюрократахъ и проч.,—на которыхъ русская исторія подрядила работать сермяжныя массы—работать и голодать...

Наше отношеніе къ крестьянской средѣ мы резюмируемъ такимъ образомъ: не нужно звать въ деревню спеціальныхъ революціонныхъ силъ, но использовать все, что тамъ есть; выдвинуть крестьянскій вопросъ среди фабричнаго населенія; не создавать ничего положительнаго въ крестьянской средѣ въ смыслѣ какихъ нибудь экономическихъ организацій, но будить, будоражить мужицое царство, революціонизировать всѣ возникающія движенія среди крестьянъ противъ помѣщиковъ, кулаковъ, земскихъ начальниковъ и т. д. Если можно всѣми силами способствовать проявленію такихъ движеній, не впадая при этомъ въ излишій страхъ передъ непремѣннымъ слѣдствіемъ ихъ — усмиреніемъ ихъ вооруженной силою, ибо всѣ народныя волненія влекутъ за собой и правительственную реакцію.

При теперешнихъ голодовкахъ и гнетѣ правительства крестьянской крови сочится по каплямъ въ милліонъ разъ больше, нежели ея прольется во время буйныхъ вспышекъ; только эта невидимо сочащаяся кровь упитываетъ собою землю, превращая ее въ кладбища,

сотни тысячъ человѣческихъ жизней обрываются по серединѣ совершенно безцѣльно, безъ всякой пользы для будущаго, безъ искры сознанія для живущихъ поколѣній, а во время подавленія вооруженными силами крестьянскихъ возстаній, багровыя пятна будутъ вопить о мщеніи, каждая пролитая капля крови будетъ и каплей сознанія своего положенія окрестными, а, можетъ быть, даже и не окрестными крестьянами! Ни одна кровинка не пропадетъ для будущаго! Пусть правительство пускаетъ въ ходъ штыки — неровенъ часъ: оно само наткнется на штыкъ, забрызганный крестьянской кровью.

Если кто-нибудь захочетъ такого рода дѣятельность окрестить названіемъ „бунтарской" и на основаніи одной только клички признать ее совершенно безцѣльной, потому, что де бывали Стефановичи и разнаго рода „бунтари" безъ „золотыхъ грамотъ", никакого прока изъ этого не вышло и т. д. — мы на это отвѣтимъ такимъ образомъ: пожалуй, что бунтарство — терминъ достаточно подходящій и выразительный, но опытъ прошлаго тутъ ни при чемъ, ибо гораздо цѣлесообразнѣе опираться на настоящее, представляющее всѣ данныя для указываемой нами дѣятельности и, если „бунтарство" и безъ всякаго участія агитаторовъ все сильнѣе и сильнѣе прорывается въ жизни, то неужели революціонеръ долженъ обойти мимо это жизненное теченіе, не осмыслить его революціонной идеей и не связать его съ движеніемъ въ фабричной средѣ?

Мы ничего такъ горячо не желали бы, какъ того, чтобы крестьянское движеніе стало тяжелой артиллеріей движенія промышленныхъ рабочихъ. Осуществятся ли наши желанія и надежды — это можетъ сказать только будущее, въ настоящемъ же надо работать и работать въ крестьянской средѣ, связывая аграрный вопросъ съ тѣмъ, что есть уже среди фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ.

Все время трактуя обо всѣхъ слояхъ населенія, мы исходили изъ рабочаго движенія и его нуждъ. Мы, какъ это упоминали не разъ, считаемъ его самымъ могучимъ оплотомъ будущаго Россіи и самой крупной революціонной силой настоящаго. Поэтому-то мы и располагали и броженія среди либерально буржуазныхъ слоевъ, и студенческія волненія, и работу среди крестьянъ вокругъ движенія промышленныхъ рабочихъ, какъ вокругъ общаго центра. Сюда-же придется еще присовокупить и тотъ способъ революціонной борьбы, который именуется терроризмомъ.

5) ТЕРРОРЪ. Эта подсобная форма борьбы нѣсколько лѣтъ тому назадъ вызывала по отношенію къ себѣ у многихъ революціонеровъ полное отвращеніе, всевозможныя насмѣшки и даже, пожалуй, у иныхъ изъ дѣятелей и презрѣніе. Къ ней относились зачастую, какъ къ бреду не въ мѣру зазнавшихся единицъ, не вѣдающихъ и границъ своей „интеллигентной“ силѣ или какъ къ скороспѣлому выводу буйныхъ темпераментовъ.

Теперь, кажется, революціонеры перемѣняютъ свое отношеніе къ этому способу борьбы и мало по малу признаютъ, что терроръ вовсе не исключительная привиллегія партіи, не желающей якобы опираться на трудящіяся массы, а именно всего лишь только способъ дѣйствія, которымъ въ крайніе моменты жизнь заставляетъ пользоваться всѣ партіи безотносительно къ научной подкладкѣ ихъ міровоззрѣнія.

Во избѣжаніе какихъ либо нареканій считаемъ нужнымъ отмѣтить здѣсь, что группа „Освобожденія труда въ Россіи“ въ свою программу вносила принципіально и терроръ, если въ немъ случится надобность.

За терроромъ нельзя признать, конечно, никакой созидающей роли — творчества политическихъ формъ. Было бы наивно думать, что горсть людей, каковъ бы ни былъ ихъ самоотверженный героизмъ, въ состояніи вырвать у правительства рядъ серьезныхъ уступокъ лишь своими собственными усиліями, безъ всякихъ твердыхъ точекъ

опоры во внѣ — въ массахъ. Это немыслимо уже потому, — минуя всякія соціологическія объясненія — что правительство нашихъ дней не впадетъ въ такую панику отъ выстрѣловъ террористовъ, какъ правительство Александра II. Теперь оно уже знаетъ многое изъ того, что для него было мучительной неизвѣстностью въ 70-ые годы; знаетъ, что террористы не представляютъ изъ себя несмѣтной рати, что счетъ имъ надо вести всего лишь десятками или сотнями, что силы этихъ десятковъ небезмѣрны и черезъ какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ естественно должны оскудѣть; знаетъ, что на защиту террористовъ не встанетъ все общество, „какъ одинъ человѣкъ", чего оно опасалось въ былыя времена.

Кромѣ того правительство Николая II лучше обставлено теперь полицейскими гвардіями, такъ хорошо ощетинило себя со всѣхъ сторонъ шпіонскими отрядами и всякими послѣдними словами техники, что текущій моментъ и 70-е годы трудно даже и сравнивать въ этомъ отношеніи.

Наконецъ, теперешнее правительство давнымъ давно отвыкло отъ колеблющейся и нерѣшительной политики Александра II. Оно потеряло послѣдніе остатки и прежде не особенно то сильнаго стыда передъ „Европами" и культурнымъ обществомъ и такъ понаторѣло въ орудованіи ежевыми рукавицами, такъ увѣровало въ ихъ святую и непререкаемую мощь, что при террористическихъ дѣйствіяхъ оно не только не измѣнитъ этому своему принципу, но, наоборотъ, доведетъ его до геркулесовыхъ столбовъ.

Нѣтъ, въ наши дни нельзя нагнать на правительство терроромъ такую панику, какъ 20 лѣтъ назадъ.

Многіе изъ сторонниковъ террора расчитываютъ именно на его устрашающую силу. Въ царскомъ дворцѣ будутъ чувствовать себя какъ на иголкахъ, министры облачатся въ панцыри, нѣкоторые изъ нихъ потеряютъ сонъ и аппетитъ, жандармскіе генералы и полковники каждое утро и каждый вечеръ станутъ бормотать „Покрый мя честнымъ твоимъ омофоромъ!" „Огради

мя силой животворящаго креста твоего!“ и т. д. Все это такъ. Но извѣстно, вѣдь, что боевые люди завтракаютъ и подъ градомъ пуль, а роялисты могутъ всходить на эшафотъ, дрожа не отъ страха, а отъ нервнаго смѣха. Банда русскихъ властей — тоже въ извѣстномъ смыслѣ бойцы, — бойцы реакціи; и подбодряемые стремленіями сохранить status quo, прельщаемые двойными окладами содержанія „за рискъ“ — они всегда пересилятъ въ себѣ страхъ передъ дѣйствіями террористовъ.

Мы считаемъ нужнымъ отмѣтить это и возможно рѣзче подчеркнуть отсутствіе у насъ вѣры въ устрашающую роль террора, потому, что такая вѣра въ иллюзіи будетъ разбита на первыхъ же порахъ работы реальными фактами дѣйствительности, а продуктомъ этого можетъ явиться самый безысходный и разслабляющій пессимизмъ. Поэтому-то мы и отрицаемъ совершенно устрашающую роль террора, а выдвигаемъ его эксцитативное (возбуждающее) значеніе, не употребляя вмѣсто „терроризмъ“ — „эксцитаризмъ“ только потому, что въ оборотѣ нѣтъ такого слова.

Въ правительственныхъ сферахъ произведутъ переполохъ въ значительной мѣрѣ и все разростающееся рабочее движеніе, и крестьянскія вспышки, и всякія смуты въ мало-мальски по человѣчески мыслящихъ слояхъ общества. Надо только, чтобы весь этотъ комплексъ революціонныхъ дѣйствій былъ болѣе энергиченъ и послѣдователенъ, чѣмъ это есть теперь. Таковымъ его можетъ сдѣлать только терроръ, на долю котораго выпадаетъ очень важная роль: роль приводнаго ремня къ маховому колесу политической идеи. Вся машина политической борьбы въ полномъ сборѣ въ настоящее время: рабочее движеніе выдвигаетъ необходимость активно выступить противъ правительства, даже выступаетъ, революціонеры считаютъ необходимость политической борьбы за азбучную истину, всюду совершенно готова почва для протестовъ и отпоровъ, — и, однако, закваска старой инертности сковываетъ и по сей часъ всякую широкую иниціативу. Все снарядилось уже въ

путь, но медлитъ сдѣлать первый рѣшительный шагъ. Смести съ лица земли инертность, внести всюду страстность борьбы, духъ почина — это теперь можетъ сдѣлать только терроръ.

Только онъ одинъ способенъ заставить работать политическое колесо во всю; для современности онъ-тоже, что севастопольскія гранаты для Россіи 50-хъ годовъ. Слово, какою бы страстью и мощью оно ни дышало, не въ силахъ разрушить вялость русской жизни. Много такихъ словъ проносилось надъ Россіей, но они лишь были въ состояніи обогатить нашъ политическій лексиконъ, но не наэлектризовать все поникшее головой.

Самъ по себѣ ходъ рабочаго движенія, хотя бы и все ускоряющійся, слишкомъ тяжеловѣсенъ, чтобы проникнуть во всѣ поры русской жизни, чтобы поднять настроеніе до самой высокой точки кипѣнія даже въ рабочей средѣ, не говоря уже о дѣйствующихъ тамъ агитаторахъ или объ оппозиціонныхъ элементахъ русскаго общества. Надо, чтобы политическія теченія въ рабочихъ массахъ провели въ жизни слишкомъ глубокія борозды, чтобы на каждомъ перекресткѣ только и слышалось о волненіяхъ рабочихъ массъ, преслѣдующихъ политическія цѣли — лишь только въ такомъ случаѣ всколыхнется все сонно-живущее и забьетъ въ набатъ. Но политическое рабочее движеніе, вѣдь, только еще начинается и потому оно не въ состояніи при ординарномъ ходѣ вещей, создать такой животворящей атмосферы. Необходимъ сильный толчекъ для этого движенія и его дастъ терроръ.

Прежде всего при первыхъ же выстрѣлахъ встрепенется и заживетъ полной жизнью русскій революціонеръ. Теперь онъ не предается революціонному дѣлу вплотную, три четверти его жизни уходятъ на службу по всякимъ статистикамъ или бѣганье по урокамъ и лишь только ничтожная дробь дня посвящается имъ революціонной работѣ. Эта послѣдняя не единственный и не исключительный моторъ его существованія, а нѣчто въ значительной мѣрѣ подчиненное личному и семей-

ному укладу его жизни. Подобно Желябову, на вопросъ о профессіи теперешній революціонеръ не можетъ сказать, положа руку на сердце: занимаюсь революціонной дѣятельностью.

Не максимумъ своихъ лучшихъ силъ онъ несетъ сюда, а лишь минимумъ, не приспособляетъ все къ себѣ, а въ большой степени и самъ приспособляется. Въ моментъ же террористической борьбы человѣкъ весь, цѣликомъ, безъ изъятья отдастся революціонной работѣ. Онъ не будетъ съ утра до ночи корпѣть по статистикамъ, отчасти онъ сведетъ къ минимуму всѣ свои личныя потребности, отчасти найдетъ поддержку въ революціонныхъ кассахъ. Теперь онѣ пусты, ибо у денежнаго люда мало вѣры въ осязательные результаты дѣла; тогда будетъ притокъ въ нихъ денежныхъ средствъ, ибо работа — у всѣхъ на виду. Изъ ссылки значительно возрастутъ побѣги и кровный революціонеръ до той поры не сложитъ свои доспѣхи на временный отдыхъ, пока правительство не законопатитъ его такъ, что всякая мысль о побѣгѣ явится абсурдомъ. Весь воздухъ пропитается революціонизмомъ и будетъ удесятерять нравственныя силы каждаго.

Но не только качественно терроръ подниметъ революціонеровъ; онъ подниметъ ихъ и количественно, призвавъ къ жизни силы сейчасъ, при тихомъ ходѣ движенія, слишкомъ сонныя, мало энергичныя. При повышенномъ тонѣ жизни эти силы явятся настоящими работниками. Если теперь онѣ занимаются культуртрегерствомъ или даже ничего не дѣлаютъ, а просто клянутъ окружающій ихъ Содомъ русской жизни, — то тогда онѣ возьмутся за революціонную работу. Въ народныхъ театрахъ да просвѣтительныхъ учрежденіяхъ царскаго кабака останутся лишь тѣ, кто ни на что больше, кромѣ культуртрегерства, не считаетъ себя способнымъ...

Терроръ не можетъ не усилить движенія уже потому, что онъ — застрѣльщикъ политической борьбы, яркій симптомъ начала конца. Онъ является затѣмъ, чтобы

бросить искру въ уже собранный и сложенный горючій матеріалъ. Наличность такого матеріала ясна каждому наблюдателю русской жизни, а если такъ, то терроръ насущный, необходимый шагъ революціонной борьбы.

Въ 70-ые гг. онъ являлся выраженіемъ слабости революціонныхъ устоевъ: народовольцы были лично сильны, но соціально слабы *). Мы можемъ быть и лично сильны — не проклятое-жъ мы богомъ поколѣнье, чтобы среди насъ не выросли тѣ-же Желябовы, Софьи Перовскія, Квятковскіе и Вѣры Фигнеръ! — а соціально мы уже и теперь сила. Сила, ибо передъ нами совершенно подгнившій политическій строй, сила — ибо мы буревѣстники громаднаго массового движенія, которое смететъ до основанія всю мерзость русскаго царизма.

„Политическая свобода!“ — напишется крупными и четкими буквами на революціонномъ знамени и знамя это понесется въ рабочую среду. „Почему?“ — по выраженію философа — „мать всѣхъ наукъ“ — станетъ и матерью революціонной жизни. Почему раздаются эти выстрѣлы? Почему правительство отвѣчаетъ на нихъ страшными карами, всюду сѣющими смерть? Отъ этихъ двухъ первыхъ „почему?“ потянется цѣлой вереницей масса другихъ „почему?“ относительно условій русской политической жизни. Сама дѣйствительность, гнетущая мысль, слово и дѣло, въ этотъ живой моментъ будетъ родить милліоны вопросовъ и воспитывать политическое самосознаніе рабочихъ, вызывать такія потребности, ко-

*) На Липецкомъ съѣздѣ Желябовъ говорилъ (цитируемъ по „Матеріаламъ для исторіи рус. соц.-рев. движенія, т. XI, стр. 57): „Партія должна сдѣлать все, что можетъ: если у нея есть силы низвергнуть деспота посредствомъ возстанія, она должна это сдѣлать; если у нея хватаетъ силы только наказать его лично, она должна это сдѣлать; если бы у нея не хватило силы и на это, она обязана хоть громко протестовать... Но силъ хватитъ, безъ сомнѣнія, и силы будутъ рости тѣмъ скорѣе, чѣмъ рѣшительнѣе мы станемъ дѣйствовать.“ Силы дѣйствительно росли, но — увы — ихъ не хватило (конечно, не по винѣ самихъ народовольцевъ) на первое — ихъ достало лишь на второе, подчеркнутое нами, т. е. на казнь разныхъ насильниковъ и самого верховнаго деспота.

торыя доселѣ намѣчались лишь слабыми штрихами или даже совершенно отсутствовали.

Бодрые духомъ, съ повышеннымъ тонусомъ жизни революціонеры будутъ давать рабочимъ отвѣты на ихъ „почему?“ и развивать передъ ними политическія задачи, которыя должны быть, ко благу трудящихся, осуществлены сейчасъ-же.

Дѣйствія террористовъ будутъ открытой книгой для рабочихъ, въ которой и рукою бойцовъ, и рукою палачей начертано: „борись за политическую свободу!“... Слово свинцовой пули раздастся въ жизни гораздо громче и властнѣе, чѣмъ слово, набранное свинцовымъ шрифтомъ.

Противники терроризма, если и сочтутъ нужнымъ бороться противъ него, освѣщать его съ отрицательной стороны, то они-же сами выдвинутъ въ качествѣ argumentum heroicum необходимость усиленной политической агитаціи въ массахъ и скромная политическая пропаганда, не вѣдающая ни дня, ни часа воплощенія въ жизнь своихъ идеаловъ, смѣнится этой непрестанной агитаціей, зовущей на погребеніе существующаго политическаго строя и созданіе новаго.

А это то именно и есть та цѣль, которую стремится выдвинуть терроръ. Разъ начнется усиленная, энергичная агитація въ массахъ — его эксцитативная (возбуждающая) роль сыграна и останется ли онъ тогда уже въ качествѣ дѣйствительно террора или сейчасъ-же уступитъ мѣсто ряду вооруженныхъ массовыхъ нападеній на правительственныхъ властей — рѣшатъ обстоятельства, рѣшитъ сама жизнь.

Тронъ самодержца всероссійскаго при сильномъ броженіи въ массахъ предстанетъ предъ революціонной Россіей въ своемъ настоящемъ безпокровномъ видѣ: это не гранитъ, разубранный позолотой, а всего лишь вызлащенный деревянный обрубокъ, насквозь проѣденный термитами. Не надо гигантскихъ усилій, чтобы своротить его съ мѣста — онъ разсыплется въ дребезги при первомъ-же массовомъ натискѣ. Ни ограда изъ штыковъ,

ни полицейско-жандармскія пищейки, ни кошели крупныхъ капиталистовъ, ни вѣрноподданическіе вопли дворянства, ни авторитетъ „царя-батюшки“ въ глазахъ темныхъ массъ — ничто не спасетъ самодержавнаго трона, какъ ничто не спасло Александра II отъ кровавой расправы съ нимъ террористовъ-народовольцевъ.

Не спасетъ потому, что въ разгаръ борьбы этотъ тронъ окажется или никому ненужной гнилушкой, или во всякомъ случаѣ не стоющимъ того, чтобы изъ-за него не на жизнь, а на смерть вести войну съ возставшими рабочими массами.

Дворянинъ — слишкомъ ничтожная величина, чтобы отстоять грудью царскій престолъ, если бы и онъ нашелъ это необходимымъ.

Крупный буржуа — темперамента не воинственнаго и, когда грянетъ громъ, онъ начнетъ думать не о томъ, какъ собирать осколки стараго — для этого онъ достаточно уменъ, — а начнетъ заботиться о томъ, чтобы найти для себя потеплѣе мѣстечко въ свободномъ политическомъ строѣ. Поглощенный планами объ оборудованіи наилучшей живодерни при конституціонномъ порядкѣ вещей, онъ самъ начнетъ лягать правительство и ронять цѣну его всевозможныхъ долговыхъ обязательствъ.

Мелкое мѣщанство, украшающее свои домишки царскими портретиками, можетъ быть, покипятится на первыхъ порахъ, но скоро и остынетъ — его больше безпокоятъ вопросы о томъ, чтобы всѣ гвозди были на мѣстѣ въ его домишкахъ да получены бы были своевременно копеечка на копеечку, наградныя, прогонныя и проч., чѣмъ вопросы объ ограниченной или абсолютной власти монарха. Мелкая буржуазія не стащитъ со стѣнъ портретовъ Ихъ Величествъ, но и на баррикады не пойдетъ за русскій царизмъ. Это плохіе защитники самодержавія. Такіе-же какъ и бюрократія, которая сегодня чествуетъ низкимъ поклономъ царское имя, а завтра перейдетъ въ противоположный станъ, ибо ей все равно, гдѣ ни рыцарствовать въ обмѣнъ на получки 20-го числа.

На крестьянство трону также не придется возла-

гать надежды, какъ на каменную гору: разъ рабочее движеніе сольется съ крестьянскимъ, разъ кличъ „За землю!“ пронесется по Россіи, и агитаторы удѣлятъ серьезное вниманіе аграрному вопросу, крестьянинъ весь уйдетъ въ борьбу за землю и проморгаетъ за ней своего царя-властелина; тутъ не до него будетъ...

Бандѣ русскихъ насильниковъ придется опираться лишь на силу штыковъ и на безпредѣльную вмѣстимость тюремныхъ камеръ. И мы не сомнѣваемся, что одну-двѣ побѣды надъ возставшими массами они одержатъ, но это будутъ для нихъ пирровы побѣды: въ морѣ народной крови потонетъ солдатская преданность „престолъ-отечеству“, и — кто знаетъ — можетъ быть, тѣ же солдаты при приказѣ „пли въ народъ!“ сочтутъ своимъ священнымъ долгомъ разстрѣлять „возлюбленныхъ монарховъ“ со всѣми ихъ чадами и домочадцами... Ни одно еще правительство не въ состояніи было продержаться только военной силой, когда весь народъ былъ для него враждебнымъ станомъ...

Все кажущееся величіе и крѣпость трона на повѣрку выйдутъ мыльными пузырями. Эти рудименты развитія держатся только потому, что ихъ никто не валитъ, только потому, что массамъ недостаточно уясняютъ замѣчательныя слова Мефистофеля: „корону ты склей; потъ нуженъ для ней и кровь со слезами“, не уясняютъ этого процесса образованія короны... А особенно энергично это можетъ уясняться только въ моментъ террора.

Иногда высказывается опасеніе, что терроръ, отвлекая къ себѣ наиболѣе способныя силы, можетъ нанести ударъ рабочему дѣлу, лишая его извѣстной части агитаторовъ и пропагандистовъ. Такое опасеніе походитъ на страхъ и трепетъ нѣкіихъ философовъ древности, боявшихся, что солнце очень скоро израсходуетъ свою теплоту и свѣтъ. Рабочее движеніе слишкомъ прочно сидитъ своими корнями въ землѣ — классовыхъ интересахъ массъ, — слишкомъ раскинуло свои вѣтви къ небесамъ — въ идеологическія сферы, — и нѣтъ никакихъ основаній опасаться, что оно можетъ оскудѣть

силами. Не только не оскудѣетъ, но, наоборотъ обогатится, ибо терроръ, обновивъ и встряхнувъ жизнь, породитъ полчища новыхъ работниковъ и въ средѣ самихъ рабочихъ, и въ средѣ революціонно настроенныхъ разночинцевъ. Сколько бы ни уходило даровитыхъ личностей въ спеціально террористическую фракцію, еще больше будетъ итти политическихъ агитаторовъ въ рабочія массы! Центральное дѣло не можетъ остаться безъ живыхъ силъ. Въ 70-хъ годахъ терроръ потому отвлекъ къ себѣ лучшія революціонныя силы, что именно онъ, благодаря неподготовленности массъ къ борьбѣ, и былъ центральнымъ дѣломъ. Теперь вопросъ ставится иначе и ссылка на прошлое, — если будетъ она дѣлаться — врядъ ли основательна.

Тогда рабочее движеніе еле только приспосабливалось къ своимъ первымъ тѣлодвиженіямъ, и уходъ одного Халтурина въ спеціально террористическую фракцію могъ лишить жизненной энергіи цѣлый „Сѣверный Союзъ" рабочихъ... Тогда не только Халтуриныхъ было мало, но и самыя массы количественно были очень не велики.

Можно ли это сказать про теперешній моментъ? Массы огромны — ихъ вызвалъ къ жизни капиталистическій ходъ вещей. Теперешніе Халтурины ставятъ для себя святой, жизненной задачей борьбу въ рядахъ рабочей арміи. Но моментъ таковъ, что онъ не даетъ развернуться во всю ширь могучей силѣ Халтуриныхъ. „Ну, слава богу, добились хоть 8-ми часовъ работы, за это и умираю" — за минуту до смерти говорилъ скончавшійся въ прошломъ году Андр. Степ. Тютевъ, въ высшей степени даровитый уральскій рабочій. Когда терроръ явится могучимъ стимуломъ къ широкой массовой политической борьбѣ, Тютевымъ откроется широкое поле дѣятельности среди возбужденныхъ массъ и они будутъ умирать не только за 8 часовъ работы, а и за нихъ, и за всю сумму политическихъ правъ, и за рядъ тѣхъ подготовительныхъ работъ, которыя насъ быстро близятъ къ соціалистическому строю.

Намъ часто приходилось слышать, что представители и споспѣшники царской власти въ Россіи — это все какія то безцвѣтныя ничтожности, не проявляющія ни малѣйшей оригинальности въ своихъ гнусныхъ дѣяніяхъ, злецы не по натурѣ, а по казенному шаблону... Среди нихъ, дескать, трудно даже и выискать такую фигуру, которая сама по себѣ заслуживала бы смертной казни. Развѣ вотъ только Зубатовъ, специфическіе таланты котораго ничуть не сѣрѣе талантовъ Судейкина или какой нибудь Витте, въ своемъ хитроуміи не уступающій Дмитрію Толстому.... А остальные, разные Сипягины, — да, вѣдь, это просто... ну, просто машины, пущенныя въ ходъ Побѣдоносцевымъ, которому за древностью его лѣтъ не сегодня завтра придется втыкать осиновый колъ въ могилу... Кого же будутъ казнить террористы? противъ кого они направятъ свои дѣйствія? Да, мы согласны, что дѣятели правительственной реакціи въ большинствѣ случаевъ негодяи не по натурѣ, а лишь по чину, по должности, по казенной надобности и что сами по себѣ они очень мало типичны. Но развѣ мы боремся противъ Дмитрія Толстого или Судейкина, какъ противъ личностей, годныхъ лишь на то, чтобы отвезти на тотъ свѣтъ поклонъ Николаю I и его приснымъ? Мы боремся противъ нихъ, какъ выразителей извѣстнаго режима и, если они къ тому же гнусны и сами по себѣ, то мы, какъ честные люди, ненавидимъ ихъ еще и за ихъ собственный счетъ, но отсюда не слѣдуетъ, что Боголѣповъ не долженъ былъ пасть отъ руки честнаго революціонера-борца только потому, что онъ не Дмитрій Толстой... Тѣмъ лучше для него, если въ немъ есть хоть искра добра, въ чемъ мы, впрочемъ, сомнѣваемся, но намъ, какъ революціонерамъ, — это рѣшительно все равно. Моментъ выдвинулъ такихъ, а не иныхъ представителей реакціи и они не менѣе, чѣмъ Дмитріи Толстые, разрушаютъ, разваливаютъ все, глумятся надъ всѣмъ святымъ для человѣка и затаптываютъ его въ ту грязь, въ которой утопаютъ сами... Это еще гаже и возмутительнѣе, когда Прометея клюютъ не кор-

щуны, а вороньё и посметюшки... Имъ надо дать отпоръ — отпоръ во имя того, чтобы всѣ наши политическіе младенцы, лишь умѣющіе любить добро, но еще не научившіеся свято ненавидѣть зло всей страстью души, всею мощью человѣческаго чувства, воспылали бы ненавистью къ царскимъ янычарамъ и опричникамъ и разожгли бы эту ненависть въ массахъ.

Совершенно не основательно опасеніе, что терроръ, вызвавши противъ себя сильную правительственную реакцію, способенъ надѣлить русскую жизнь еще болѣе мрачной полосой существованія, чѣмъ та, которую пришлось намъ переживать послѣ паденія „Нар. Воли". Говорить такъ — значитъ быть революціоннымъ Панглоссомъ, мечтающимъ о томъ, что свобода снизойдетъ на русскую землю тихо и мирно, при бенгальскомъ освѣщеніи, какъ театральный апоѳеозъ. Да, — правительственныя репрессаліи будутъ! Да, — онѣ достигнутъ неимовѣрной жестокости, онѣ станутъ стремиться поглотить собой всякое проявленіе человѣческой мысли, всякій лепетъ о свободѣ! Но что же изъ этого? Чѣмъ онѣ будутъ грознѣе, тѣмъ больше увѣренности въ томъ, что это послѣднія корчи нашего правительства.

Русскому кровному революціонеру никакая реакція не въ состояніи причинить горшихъ мукъ, чѣмъ онъ претерпѣваетъ сейчасъ: довольно онъ видитъ репрессалій и въ наши тихіе, скромные дни и не все ли равно ему, когда кровь загниваетъ въ жилахъ да превращается въ сусло постепенно или же когда эту кровь выпустятъ сразу до одной капли? Ему не жизнь дорога, а дѣло. Дѣло же не только не сгибнетъ подъ гнетомъ репрессалій, а еще разовьется!... Развѣ теперь можно задушить рабочее движеніе? Нѣтъ, на правительственныя репрессаліи рабочій отвѣтитъ своей политической программой, злобой и местью, которая изсякнетъ лишь въ день побѣды: тогда она не нужна, ибо Добро, одержавши побѣду, не мститъ Злу, а лишь устраняетъ его, какъ говоритъ Дантонъ. Развѣ можно какими угодно репрессаліями еще болѣе обезличить и поработить

русское общество, еще болѣе задушить свободу, чѣмъ они порабощены, унижены и забиты теперь? Нѣтъ, есть извѣстные предѣлы, за которыми плюсъ уже ничего не прибавляетъ, а каждый ударъ бича есть призывъ къ свободѣ!... Жить ли тише воды и ниже травы, или не давать правительству ни днемъ, ни ночью покоя — все равно реакціи правительственной не предотвратить. Пусть и не будетъ террористовъ — правительство все равно на ростъ рабочаго движенія отвѣтитъ страшными карательными системами. Начало уже въ Польшѣ демонстрировать висѣлицы: откроетъ такія же панорамы и въ Россіи!...

Намъ бояться нечего. Пусть боится тотъ, кто можетъ что либо потерять, а мы уже такъ обобраны среди бѣла дня, что намъ терять нечего. Выигрывать же намъ надо слишкомъ многое и да здравствуетъ терроръ, какъ авангардъ широкаго политическаго движенія въ массахъ!

Движеніе это сильно нуждается въ авангардѣ. На Западѣ рабочіе въ своей политической борьбѣ имѣли передовые отряды изъ рядовъ буржуазіи. Правда, промышленники боролись за свои выгоды и пользовались руками протестующихъ рабочихъ, чтобы вытаскивать каштаны изъ горячей золы. Но, вытаскивая эти каштаны, обжигая себѣ руки, рабочіе не всѣ плоды отдавали буржуазіи, а часть ихъ успѣвали отстаивать и для себя. И съ каждой новой революціей, съ каждой новой вспышкой, каштановъ у трудящихся оставалось все больше и больше. Теперь они уже имѣютъ возможность сказать не въ качествѣ словъ безъ содержанія, а въ качествѣ практическаго лозунга, который находитъ для себя хорошую почву въ жизни: освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ рукъ самого пролетаріата! Такъ они могутъ сказать ибо у нихъ уже есть извѣстная благопріятная политическая обстановка.

А у насъ въ Россіи? Авангардомъ буржуазія не выступитъ; „культурная интеллигенція“ — объ этомъ нечего и думать; а пролетаріатъ — онъ очень скоро можетъ объявить русскому правительству войну не на

животъ, а на смерть, не въ такихъ размѣрахъ, какъ теперь, а въ неизмѣримо большихъ, — но для этого необходимъ усиленный темпъ рабочаго движенія. Его, опять повторяемъ, можетъ вызвыть энергичный авангардъ, т. е. — по русскимъ условіямъ — только терроръ.

Но каковъ онъ долженъ быть — этотъ терроръ?

Передъ нами лежитъ одинъ злободневный листокъ, вышедшій въ Петербургѣ изъ типографіи „Свободной Русской Прессы" сейчасъ-же послѣ выстрѣла Карповича. Листокъ этотъ такъ характеренъ въ смыслѣ обрисовки теперешняго настроенія и способовъ мышленія, что мы приводимъ его цѣликомъ въ подлинникѣ *):

«Они, очевидно, хотѣли этого и дождались... Развѣ мыслимо представить себѣ, что нибудь болѣе естественное и болѣе логичное, чѣмъ этотъ смѣлый и героическій выстрѣлъ?

Въ широкой публикѣ усиленно толкуютъ о возвращеніи былыхъ временъ, о повтореніи революціоннаго террора. Уже не говоря о жандармахъ, которымъ такіе толки всегда на руку (?!) и «разныхъ особахъ чувствующихъ себя въ такіе моменты какъ на вулканѣ», — даже отъ благомыслящихъ людей приходится слышать предположеніе, что это повторился выстрѣлъ Вѣры Засуличъ**), что онъ повлечетъ за собой и все остальное. Этотъ взглядъ представляется совершенно ошибочнымъ Живая исторія не знаетъ заученныхъ дословныхъ повтореній. Эпоха народовольческаго террора была обвѣяна романтикой, совершенно чуждой нашему времени: самодержавіе какъ бы воплощалось тогда для революціонеровъ въ личности царя (?!); царь тогда могъ являться носителемъ и символомъ идей самодержавія (?!). Теперь не то. Жизнь сдѣлала свое дѣло, она размѣняла царя на министровъ и съ полной ясностью показала, что самодержавіе царя есть только громкая фирма для олигархіи безотвѣтственныхъ министровъ. Теперешній нашъ самодержецъ. . — чего, какой идеи можетъ онъ являться воплощеніемъ?! Развѣ это не простой, подставной предсѣдатель правленія бюрократическаго предпріятія? Какой это символъ: онъ

*) Выпускаемъ лишь строки, описывающія самое событіе и причины его.

**) Что скажутъ въ свое оправданіе „благомыслящіе" „Рабочаго Дѣла", помѣстившіе въ 6 № „Листка" замѣтку „Боголѣповъ-Треповъ"?

скорѣе напоминаетъ собой каучуковый штемпель съ буквами «быть по сему», всегда готовый къ услугамъ господъ директоровъ правленія (разница въ томъ, что штемпель мажутъ краской, а его муромъ). Задача теперь не въ томъ, чтобы распатать идею (она уже выдохлась), не въ томъ, чтобы уничтожить этотъ муропомазанный „штемпель", а въ томъ, чтобы взять его изъ рукъ бюрократіи въ свои руки. Это и будетъ сдѣлано не сегодня, не завтра, такъ послѣзавтра.

„Мы не думаемъ, что выстрѣлъ П. В. Карповича знаменуетъ возвращеніе къ старымъ программамъ и пріемамъ борьбы. П. В. Карповичъ могъ примкнуть заграницей къ какому угодно крайнему кружку, но несомнѣнно, что его поступокъ есть прежде всего дѣло личнаго настроенія, порыва... И вотъ такія внѣпрограммныя и внѣпартійныя дѣйствія, конечно, возможны и въ будущемъ. Это будутъ лишь „дорого стоющіе героическіе поступки отдѣльныхъ личностей", какъ выразилась недавно одна студенческая прокламація; это будутъ не дѣйствія организацій, а поступки по настроенію, обусловленному всевозможными вызовами... Но развѣ отъ этого легче министрамъ?... Съ организаціями справиться можно: организація противъ организаціи; и численно или просто физически сильнѣйшій — до поры до времени одолѣваетъ. Но какъ одолѣть „настроеніе" — героическое рѣшеніе той или другой впечатлительной и смѣлой души?»

Вчитайтесь въ этотъ листокъ и вы должны будете поразиться развертывающеюся передъ вами борьбою двухъ началъ, двухъ теченій изъ разныхъ источниковъ.

Съ одной стороны здѣсь признаніе того, что дѣйствія Карповичей нѣчто наиболѣе „естественное" и „логичное" изъ всего того, что можно придумать; мало того, эти дѣйствія будутъ продолжаться и впредь, ибо таковы ужъ условія русскаго существованія; и этого даже мало, — обратите вниманіе на заключительную фразу, напечатанную нами курсивомъ. Это, вѣдь, какой то торжествующій гимнъ героическимъ поступкамъ Карповичей! И при томъ такой гимнъ, пропѣть который не отказался бы... любой изъ анархистовъ...

Теперь возьмите другое начало. Тутъ и „живая исторія, не знающая заученныхъ дословныхъ повтореній" — одна изъ тѣхъ афористическихъ фразъ, которыя сами

по себѣ ничего не говорятъ и прекрасно уживаются съ своими противоположностями (напр., „исторія — это картинная галлерея, въ которой мало оригиналовъ, но много копій“ — Токвиль); тутъ и народоволецъ въ томъ костюмѣ, который сшила ему фантазія авторовъ листка; тутъ и трюизмы о царѣ, размѣнявшемся — кстати не теперь, а давнымъ давно — на министровъ; тутъ и безспорная истина о томъ, что „мѵропомазанный штемпель“ долженъ быть взятъ въ руки демократіи изъ бюрократическихъ рукъ; — и все это въ качествѣ аргументовъ противъ террора.

Но позвольте же: а если сказать вамъ, что и относительно живой исторіи вы правы, и относительно „мѵропомазаннаго штемпеля“ — тоже, и что никто не станетъ спорить съ вами относительно того, что этотъ штемпель не сегодня, не завтра, такъ послѣзавтра „перейдетъ въ руки демократіи“ — что вы тогда будете возражать противъ террора? „Онъ не нуженъ, ибо и безъ него не сегодня-завтра и т. д. — не это ли? Но вѣдь, вы же сами краснорѣчиво указываете, съ какой логичностью вытекаютъ изъ жизни поступки Карповичей...

И если бы вы только указывали, какъ соціалистъ указываетъ причины анархизма, но вы не только это дѣлаете, вы еще и гимны поете „дорого стоющимъ“ дѣйствіямъ Карповичей (смотри, напр., „Историческій поворотъ“, „Рабочее Дѣло“, Лист. № 6) — и не шутя спрашиваете министровъ, какъ они могутъ одолѣть то, что является продуктомъ „настроенія“, и настроенія все растущаго и растущаго. Это не только настроеніе Карповичей, это настроеніе и авторовъ злободневнаго листка, и не только ихъ, но еще и массы другихъ. Первая часть листка продиктована именно этимъ настроеніемъ; вторая — той боязнью мыслить до конца, которая свойственна русскому интеллигенту и, наконецъ, въ послѣднихъ строкахъ опять прорывается то же настроеніе, но пройдя черезъ муть мысли, оно нѣсколько испачкалось...

Мы говоримъ: „боязнь мыслить до конца“. Да, это

именно такъ есть: не останавливаясь на полъ пути, вы можете придти только къ одному выводу: организованный терроръ несравненно сильнѣе и плодотворнѣе террора героическаго, и тогда, когда совершаются „дорого стоющіе героическіе поступки отдѣльныхъ личностей", ни одна живая и солидная организація не смѣетъ ограничиваться только пассивными восторгами и по сему торжественному случаю просушивать листы своихъ рукописей не простымъ пескомъ, а золотымъ... Въ этотъ моментъ члены организацій должны вспомнить, что руки имъ даны не для того, чтобы апплодировать „дорого стоющимъ поступкамъ отдѣльныхъ личностей", а для... они сами должны знать для чего: это „дорого стоющее" ясно говоритъ о запросахъ жизни!

И никто васъ не обязываетъ при этомъ подыскивать тѣ-же обоснованія для дѣйствій, что были у „Народной Воли", никто васъ не обязываетъ копировать дѣятельность 70 годовъ, никто васъ не заставляетъ забыть великой мощи массъ, творящихъ исторію. Мы многому научились въ послѣдніе 20 лѣтъ и нашъ научный багажъ остается и долженъ остаться при насъ; обстановка жизни страшно измѣнилась со времени 70 годовъ — и наше пониманіе ея должно намъ сопутствовать на каждомъ шагу нашей дѣятельности. Поэтому, работая для будущаго, мы ищемъ точекъ опоры въ настоящемъ, а не прошломъ; прошлое — это наши святцы, настоящее — это нашъ мечъ. И не влагайтеэт отъ мечъ въ ножны, сработанныя изъ безплодной критики давнопрошедшаго, изъ безцѣльнаго цитированія общихъ тезисовъ на счетъ исторіи, изъ теоретическихъ положеній, вѣрныхъ въ кабинетѣ ученаго и пасующихъ на аренѣ жизни. Не влагайте этотъ мечъ въ ножны, онъ нуженъ вамъ для борьбы. Присматривайтесь къ самой дѣйствительности, прислушивайтесь къ вашимъ собственнымъ настроеніямъ и осмысливайте ихъ не книжнымъ, теоретическимъ, а живымъ, организаторскимъ умомъ. А этотъ умъ говоритъ:

Задача современности — организація Центральнаго

Рабочаго Комитета Всероссійской Революціонно-Соціалистической партіи для:

1) планомѣрнаго руководства рабочимъ политическимъ движеніемъ;

2) для использованія въ революціонныхъ цѣляхъ броженій и активныхъ дѣйствій въ студенческой средѣ;

3) для систематической работы въ оппозиціонныхъ слояхъ русскаго общества на демократической почвѣ;

4) для использованія всѣхъ силъ, попавшихъ въ деревню или желающихъ служить главнымъ образомъ ей, этой деревнѣ;

5) для пропаганды и агитаціи въ арміи въ виду все учащающихся усмиреній народа вооруженной силой и въ виду возможности воспитывать и въ войскахъ революціонныхъ работниковъ *);

6) для созданія прочнаго союза съ существующими революціонными партіями и оппозиціонными группами среди поляковъ, финляндцевъ и евреевъ;

7) для организаціи систематическаго террора, какъ наиболѣе эксцитативнаго средства къ широкому политическому движенію въ массахъ.

Надо всѣми силами стараться о созданіи такого Центральнаго Комитета. Но пока онъ создастся, иниціативу многихъ дѣйствій приходится „партіямъ“ и „группамъ“, уже существующимъ и вновь возникающимъ, брать на себя. Увеличивая ихъ численность еще одной соціалистической группой — „Свобода“,— (группой дѣйствія дѣломъ и словомъ) мы будемъ считать самымъ счастливѣйшимъ днемъ своей жизни тотъ, когда мы прекратимъ свое существованіе, какъ группа, и войдемъ въ составъ Всероссійской Революціонно-Соціалистической Партіи.

---

*) Этому пункту мы не отвели мѣста въ нашей программной брошюрѣ только потому, что способы дѣйствія въ арміи — вопросъ не достаточно ясный для членовъ группы „Свобода“. Мы разсчитываемъ заняться его выясненіемъ въ непродолжительномъ будущемъ.

Мы позволяемъ себѣ заключить наше обращеніе къ товарищамъ выдержкой изъ одной изъ самыхъ блестящихъ рѣчей Дантона: „Le Tocsin qu'on va sonner n'est point un signale d'alarme, c'est lá charge sur les ennemis de la patrie... Pour les vaincre, il nous faut de l'audace, encore de l'audace, toujours de l'audace et la France (la Russie) est sauvée!“ (И вотъ раздадутся звуки набата... Это ужъ будетъ не сигналъ къ тревогѣ, а рѣшительное нападеніе на враговъ отечества. Чтобы ихъ побѣдить необходима безпредѣльная отвага и Франція (Россія) спасена!

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Брошюра эта была написана до уличныхъ и иныхъ событій текущаго года, знаменующихъ собою новую эру въ революціонной жизни Россіи; но если бы она писалась и послѣ этихъ событій — основные взгляды, выраженные въ ней, остались бы тѣми же самыми: послѣдующія событія не только не говорятъ противъ нихъ, но, наоборотъ, служатъ въ нашихъ глазахъ подтвержденіемъ правильности нашихъ выводовъ. И намъ пришлось бы сказать то же самое слово, но молвить его по иному. Имѣя возможность сдѣлать лишь очень не многое при корректурѣ брошюры, мы необходимыя дополненія и развитіе кое какихъ вопросовъ, выдвинутыхъ демонстраціями текущаго года, даемъ въ имѣющемъ скоро появиться I-мъ выпускѣ „Соціально Революціонной Библіотеки для интеллигенціи“.

ЦѢНА 50 коп.